

АГАЛЬЦОВ Г.И.

БЕЛЫЕ ПЯТНА

Уж так распорядились время и судьба, что по жизни пришлось немало сделать впервые и заканчивать начатое другими. В 1958г. выпало закрывать последнее «белое пятно» на Геологической карте СССР. Более пяти тысяч квадратных километров прибрежной северо-западной Камчатки очень труднодоступны. Добирались туда, работали и выбирались с превеликим трудом и приключениями. «Пятно» закрыли.

М-ние золота «Отрожный» (Чукотка) было открыто в 1960г. в р-не, где и не предполагалось подобных м-ний, так как там не было и следов кислых интрузий, с которыми тогда еще связывали проявления этого металла. Здесь были отмечены гипербазиты, габброиды, какие-то зеленокаменные эффузивы, сланцевая толща. Но крупное месторождение появилось. Было проведено и более детальное картирование. Позднее, уже с позиции новой тектоники - «мобилизма», стало ясно, что золото и постоянно сопутствующие платиноиды здесь генетически связаны с палеоокеаническими образованиями. Гипербазиты, полосчатые габброиды и другие члены офиолитовой триады, зоны меланжа с олистолитами, олистостромы, склоновые турбидиты, надвиги (установлены и закартированы еще в 1960г., но под другими «старыми» понятиями и названиями) однозначно определили генезис этого м-ния и позволили выделить новую золоторудную формацию.

В 1968-1969гг. создавалась первая геологическая карта и карта полезных ископаемых Афганистана масштаба 1:500000. Я был соавтором этих карт. Вновь закрываются «белые пятна». Работать довелось во всех частях страны. Пересёк Афганистан даже по «Великому шёлковому пути».

И в морской геологии многое пришлось делать впервые: разрабатывать методики и способы изучения шельфа, а также оценки его на полезные ископаемые.

В 1978 году впервые удалось установить в железомарганцевых конкрециях Атлантического океана золото и платину в содержаниях, имеющих практический и потенциальный промышленный интерес. Есть публикация в Известиях АН СССР, серия геологическая. Одним из результатов этого исследования было определение генезиса черносланцевой золоторудной формации, представленной ведущими крупнейшими месторождениями мира (например, известными Мурунтау, Караджал).

Дважды присвоено звание (с сопутствующими регалиями) «Первооткрыватель м-ния СССР». Первое – за рудное месторождение платины в Корьякском нагорье (Северная Камчатка, 1957г.). Второе – за россыпное и рудное месторождения золота «Отрожное» в среднем течении реки Анадырь (Чукотка, 1960г.). Месторождения крупные, разрабатываются и по сей день, дали десятки тонн платины (платиноидов) и золота.

Награжден Орденом Ленина, медалями и зарубежными государственными наградами. Учёной степени, звания не имею.

Автор, соавтор изобретений. Из них самыми нужными были: океанический автономный глубоководный самовсплывающий пробоотборник (без него, практически, было бы невозможно изучение абиссальных отложений и опробование железомарганцевых конкреций) и вакуумный пробоотборник «Бентос» для исследований рыхлых отложений шельфа.

У меня немало соответствующих публикаций в специальной периодике, литературе (в том числе и зарубежных) – по геологии, полезным ископаемым, методике работ, результатам исследований и другие.

БОНДАРЕНКО О.Б.**САМЫЕ ЯРКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

Надо честно признаться, что самые яркие впечатления моей жизни связаны не с МГУ и даже не со студенческими годами, а с детством, причем эти впечатления были настолько глубокими и значительными, что, вероятно, я до времени повзрослела и многое в стране и на ф-те казалось мне странным, но я понимала, что говорить об этом не стоит. Этим впечатлениям я обязана войне и работе отца, в которую вся наша семья оказалась вовлечена. Расскажу только об одном эпизоде.

Осенью 1942г. немцы были уже в 20 км от Грозного, где я родилась, жила и училась в первых двух классах. Они уже подтягивали к городу оборудование для добычи нефти и последующей её переработки – крекинга. Над Грозным стояло чёрное марево от горящих скважин и заводов. А во дворе нашего дома, примыкающего к зданию НИИ, день и ночь горели костры, в которых сжигали документацию по «Промыслам», чтобы она не досталась немцам. Кстати – город им взять так и не удалось! Неожиданно в самый разгар военных действий за Грозный, мама сказала, что нас срочно отправляют на самолёте в Баку. (Делалось это по приказу Сталина, как я потом узнала). Из Баку пароходом по Каспию и Волге до Ульяновска, далее поездом до Москвы и поездом – до Владивостока, а куда дальше – мама не говорила (или не знала?).

В самом начале войны отца отправили в США. Он до этого заведовал двумя кафедрами в Грозненском нефтяном ин-те. Ученики отца, ставшие к тому времени большими начальниками в Москве, указали на отца, как на крепкого профессионала по крекингу нефти, который может осуществить покупку нужного для страны оборудования для нефтеперегонных заводов в рамках соглашения с США по ленд-лизу. Его и командировали. Ещё до войны у нас в стране стали осваивать добычу нефти в Предуралье и на

востоке Каспийской низменности. Крекинг-заводов не хватало, особенно в условиях войны. Для их строительства и требовалось это оборудование. За работу в США отец был награждён тремя орденами Красного Знамени.

К декабрю 1942г. во Владивостоке были собраны жёны и дети из разных городов Союза для отправки их к мужьям и отцам, работавшим в это время в США. Ещё через месяц грузо-пассажирский корабль «Аскольд», загрузив нас, вышел из Владивостокского порта. Кроме нас – женщин и детей – на корабле были ещё какие-то крепкие мужчины. Вроде и пассажиры, но нам детям – непонятные. «Аскольд» сразу же взял курс на север. День ото дня становилось всё холоднее, ветер, снег, лёд, сосульки и огромные волны. Как-то днём по рупору раздался громкий голос капитана: «Женщины и дети! Все – на палубу!». Наш корабль остановился и к нему подошёл японский морской патруль. Начался досмотр. Капитан объяснял, что «Аскольд» – судно пассажирское, что на нём только один пулемёт и оно везёт рыбаков и их семьи в Петропавловск-Камчатский. Демонстрировал вахтенный журнал. Японцы разрешили нам идти дальше. Но ещё трое суток мы шли на север, опасаясь слезки. И только потом мы взяли курс через Тихий океан на гор. Портленд. А непонятные нам пассажиры оказались военными моряками, которые где-то уже у берегов Америки пересели на подводные лодки и вернулись к военным действиям. По Тихому океану мы шли месяц.

Справка: Я (Галя Постникова), как человек 20 лет проработавший на Камчатке, хочу добавить. Зимой пассажирские суда в тех широтах не ходят. Это очень рискованно. Низкая температура при ветре ведёт к обледенению палубных построек и судно переворачивается кверху килем. Один год то ли из-за неверного прогноза, то ли ещё от чего в Бристольском заливе погибли от обледенения (перевернулись) пять наших рыболовецких судов, а те, что вы-

рвались, были похожи на глыбы льда. Город (Петропавловск-Камчатский) – рыдал.

ПРОЩАНИЕ СО СТАЛИНЫМ

Мы учились на втором курсе, когда умер Сталин. Для многих людей в стране он был мудрым вождем всех народов, И вдруг – его не стало!

Почитание было так велико, что люди не могли вернуть сеledку в газету, где было напечатано сообщение о смерти Сталина. Уже это воспринималось как кощунство! Нечего и говорить, что многим захотелось пойти и проститься или хотя бы посмотреть лично. Такого количества людей власти не ждали и к такому событию не подготовились. Много народа было раздавлено, затоптано, задушено, размазано по мостовым и стенам.

Вспоминает **Нонна Наливкина**:

Самое тяжёлое воспоминание тех лет связано со смертью И.В.Сталина. Утром в тот памятный день я поехала на занятия в МГУ. С трудом села в электричку. Всю дорогу стояла, зажатая у дверей. В Москве на Казанском вокзале с трудом пролезла в метро, долго не могла войти в поезд, и уже не помню, как добралась до центра. Вышла из метро, а на улице – толпы народа. Кто-то кричит, кто-то плачет; пройти невозможно. И вдруг толпа заорала. Все смотрели вверх. Когда мне удалось сквозь толпу посмотреть вверх, мне тоже захотелось кричать: сверху, с крыши дома, на верёвках спускались прямо на толпу трое мужчин. Толпа рванулась в сторону, и я упала. Не знаю, что было бы со мной, если бы какой-то мужчина не схватил меня за руку и буквально не вырвал из толпы. Отругал и посоветовал ехать домой. Как и когда я добралась домой, не помню. Рука болела долго.

Рассказывает **Стас Снеговской**:

Мне довелось попрощаться с самим «вождем народов». Сделать это было совсем не просто. Стоя на факульт-

тете у бюста Иосифа Виссарионовича в почетном карауле, я услышал, как наши мальчишки собирают небольшой крепкий отряд, который мог бы пробиться сквозь толпу, чтобы поклониться усопшему. Надо отдать должное нашим студентам-москвичам, они оперативно владели очень важной информацией. Поэтому сразу же было поставлено условие – девчонок с собой не брать.

Но то, что нас ожидало, превзошло все наши предположения. Самое страшное было не в напоре толпы сзади, а в неожиданно возникающем бешеном давлении из боковых улиц. Я видел, как рядом с нами разорвало и разметало по частям кольцо моряков, которые перед этим спасали старушку, притиснутую к металлической ограде. Такая же участь тот же час постигла и нас. Найти друг друга после этого мы уже не могли.

На следующий день я один решил поискать какие-нибудь другие, обходные варианты. Везде улицы были перегорожены плотно стоящими грузовиками и солдатами. Но московские мальчишки сказали, что они могут провести по крышам к Китайгородской стене и оттуда спустить на площадь Революции. Вдвоем с Игорем Николаевым мы так и сделали. По тонкой обледеневшей проволоке мы не спустились, а скорее, плюхнулись на землю.

Большое огорчение нас ждало впереди: у самого дома Союзов стояла цепь солдат, преграждающая к нему вход. Однако цепь эта была слабой, а перед ней постепенно накапливалась толпа из отсеченных хвостов официальных делегаций: они не успевали пройти в назначенное им время. Накопившаяся масса, в конце концов, прорвала эту цепь последнего ограждения.

В связи с моим ярым желанием отдать почести умершему вождю, наверное, уместно пояснить мое отношение к советской действительности, которое у меня было в то время. Я ничего не знал тогда о страшных репрессиях. Родители, конечно, ничего мне не говорили, хотя наверняка знали об этом. Отец, так рассказывал о происхождении на-

шей фамилии. Когда-то из Польши бежали два холопа. Только много позже, да и то не от него, я узнал, что две семьи «бежали» со своим домашним скарбом и стадами скотины. Но отцу было важно показать бедняцкое происхождение семьи. После войны отец демобилизовался и уехал в свое родное село на юге Воронежской области, где у нескольких сотен проживавших там семейств было всего две фамилии – Сергеенко и Снеговской. Помню -- один год выдался неурожайный, и старики ругали сильно наше правительство, задевали и коммунистов. Один раз я слышал такую частушку: «Старики -- дураки, а мы – коммунисты, старики сиють хлеб, а мы будем йисты». Однако про Сталина говорили уважительно, считая, что он не знает о бедах народа, что министры дурят его и правду скрывают.

БУДАНОВ В.И.

ПАМИР ТОГДА И СЕГОДНЯ

По окончании учебы я по собственному желанию, отказавшись от аспирантуры и многих других мест, которых мне предложили 11, причем все были, безусловно, прекрасные, от Приморья до Карпат и от Заполярья до Средней Азии, был распределен в Управление геологии СМ Таджикской ССР с надеждой попасть на Памир. (Действительно: на распределении вызывали по алфавиту и тем, кто был в конце списка, – увы! – так уже не повезло. Прим.составителей.)

Мне пошли навстречу и направили в Памирскую геолого-разведочную экспедицию, в тематическую партию по магматизму. Вместе с А. М. Месхи мы должны были решить простую, но явно непомерную задачу: обеспечить изучение магматических формаций и представить схему магматизма для среднемасштабных карт всей территории Памира. На удивление, нам это удалось за 1956 –1963 годы. Результатом стал гигантский отчет: 5 томов, 1500 страниц и карты. Схема была защищена во ВСЕГЕИ, в Ленинграде.

До нас магматизм Памира был изучен в самых общих чертах. После работ предыдущих Таджикско-Памирских экспедиций не было даже обычных химических анализов горных пород, не было никаких изотопных датировок. Нам же удалось вывести петрологию магматических пород на уровень, отвечающий требованиям государственной среднemasштабной геологической съемки и подтянуть к общему состоянию петрологии в нашей стране.

В 1962–1969 годах я занимался изучением метаморфизма на Памире. До наших работ исследования этого рода не проводились, не были известны ни состав и петрография метаморфических пород, ни их химизм, не существовало ни одного анализа минералов переменного состава, ни оценки термодинамических параметров метаморфизма. Между тем разнообразие метаморфических комплексов оказалось весьма значительным по всему диапазону ареального, зонального и контактового метаморфизма. Нам удалось осуществить последовательно минералогический (в меньшей степени структурный) подход с помощью специалистов сибирской, московской и ленинградской школ метаморфизма (академики В. С. Соболев, Н. Л. Добрецов, Д. С. Коржинский, чл.-корр. К. О. Кратц и др.).

Закончив отчет по метаморфизму, мы задумали составить геологическую карту Памира, обобщающую результаты среднemasштабных съемок, но получили новое грандиозное задание: составить серию карт масштаба 1:500000 для всей территории Таджикистана. Одновременно акад. Р. Б. Баратов предложил представить программу исследований по метаморфизму в Институте геологии АН Таджикистана, и на это внезапно были отпущены деньги Госкомитета по науке и технике СССР. Пришлось расстаться с геологической службой, которой было отдано 17 лет, и в 1973 г. перейти в академический институт. Впрочем, мы продолжали участвовать в работах Управления, публиковали совместные статьи, монографии, геологические карты. В институ-

те была создана лаб. метаморфизма, которой пришлось руководить 21 год.

Были проведены классические исследования по метаморфизму Памира и Тянь-Шаня, были опубликованы монографии по метаморфизму Памира и Тянь-Шаня, по метаморфогенным месторождениям. Но работы не убавилось.

Возможно, до конца жизни пришлось бы заниматься проблемами метаморфизма, если бы не гражданская война в республике, начавшаяся в 1990 г. Она отсекала нас от нашего постоянного региона – Памира, нарушила структуру замечательно сложившейся геологической службы в республике, нанесла непоправимый ущерб ставшей уже «классной» к тому времени АН Таджикистана. Но все тяжелые годы гражданской войны, все еще надеясь на лучшее, мы все же провели в Таджикистане. Я также чувствовал себя в долгу перед АН Таджикистана, в которую меня выбрали в 1991 г членом-корреспондентом.

В 1994г. все-таки пришлось выехать из Таджикистана. Несколько последних лет моей мечтой являлась совместная американо-сибирско-таджикская экспедиция на Памир с целью провести модернизацию прежних данных по геологии на основе новейших прецизионных методов исследования вещества эндогенных формаций. Так в современный геологический контекст можно было бы поставить все накопленные тяжкими трудами прежние данные, и ничего бы, таким образом, не пропало! Экспедиция состоялась в 2004 г., но без участия американских геологов, не выпущенных из США Госдепартаментом. Собранные нами материалы по ключевым объектам обрабатываются в Сибири и в Таджикистане.

Странное дело: теперь, когда мне уже за 70, когда по возможности приходится пытаться решать всё новые и новые проблемы, старые и не думают меня отпускать, хотя по ним уже опубликовано 200 статей, книг и геологических карт. Оказывается, в них по-прежнему полно загадок и нерешенных вопросов. Так что я совершенно не в обиде, что

как бы угодил в давние времена в один-единственный алгоритм, в котором и прошла вся моя профессиональная жизнь. Слава Богу, мне всегда и везде в моей жизни геолога было интересно! Интересно и теперь.

ВОЛКОВ В. П.

НЕЧТО ВРОДЕ МЕМУАРОВ

Международный геохимический конгресс - первый и последний.

Попытаюсь вспомнить о неординарном событии в истории организации международных научных связей – о Первом международном геохимическом конгрессе, который целиком и полностью был связан с именем акад. А.П.Виноградова – директора ГЕОХИ и вице-президента АН СССР. Эти заметки не претендуют на историко-научное описание Конгресса, ссылки на труды которого в своё время регулярно появлялись в геохимической периодике. Они повествуют о скрытой от постороннего взгляда стороне научно-организационной работы в то далёкое время в стране, которой на карте уже нет...

Вначале все выглядело не бог весть как страшно: в январе или феврале 1970г. меня попросила зайти ученый секретарь ин-та З.В.Студеникова и сказала: через год А.П.Виноградов созывает международную конференцию по геохимии и мне поручается быть «помощником секретаря оргкомитета по нашему институту, а секретарем будет профессор А.А.Беус». Беуса я знал по литературным ссылкам (крупнейший знаток бериллия) и слышал, что он имеет какое-то отношение к работе издательства «Мир» (переводы с иностранных языков) и даже к ГКЭС. Я подумал, что это назначение очень логично, ну, а помощником по ГЕОХИ быть не столь уж сложно.

Через пару дней я был вызван в кабинет директора и выяснилась совершенно нештатная ситуация. Вокруг длин-

ного стола с зеленым сукном расположились ведущие ученые ГЕОХИ: А.И.Тугаринов, Н.И.Хитаров, В.И.Баранов, А.Б.Ронов, В.В.Щербина, среди них – сам Александр Павлович, а рядом с ним единственный незнакомец, в котором методом исключения опознавался А.А.Беус.

Первое заседание Оргкомитета началось для меня со сногосшибательной новости. А.А.Беусу было предоставлено первое слово, в котором он объявил, что уезжает в длительную командировку в Южн. Америку и просит освободить его от обязанностей секретаря (в соответствии с международными правилами – Генерального секретаря!) Оргкомитета. Очевидно, А.П. уже все это знал, поскольку тут же спокойно объявил: «Что же, тогда попросим доктора Волкова возглавить секретариат Конгресса» (отнодь не конференции, как об этом мне было сказано за два дня до заседания!).

Тут надо заметить, что в ГЕОХИ была известная только сотрудникам ин-та традиция: А.П. всех своих сотрудников называл «доктор» по обычаю зарубежных коллег, хотя «доктор» мог не иметь кандидатской степени. Подтекст, кстати, простой – в науке все коллеги – от лаборанта до академика.

А.П. признавал в научных исследованиях исключительно самостоятельных, инициативных людей, всячески поддерживал сотрудников, выдвигавших новые оригинальные идеи. Тем не менее он, как и В.И.Вернадский, провозглашал приоритет эмпирических фактов над гипотезами. И нельзя было принимать за чистую монету его лукаво-язвительные реплики на ученых советах: «А под какую идею Вы работаете?». Это был один из многочисленных тестов на зрелость (мы называли «на всхожесть»)...

К этому времени я уже имел возможность изучить многие стороны характера нашего директора. Памятуя любовь А.П. к «кошкам, гуляющим сами по себе», как только закончилось заседание, сразу же подошел к нему с вопросами. Наверное, это была самая продолжительная беседа

о Конгрессе. Он в устной форме дал мне краткое руководство к действию, о котором я конечно не имел ни малейшего представления. Было сказано примерно следующее: «Вас будут консультировать три человека: Евтеев (ученый секретарь Секции наук о Земле), Вольвовский (генеральный секретарь Оргкомитета Ассамблеи Международного геофизического союза) и мой референт в Президиуме Надежда Гавриловна Крейнер. Если потребуются мое вмешательство, немедленно обращайтесь». Вот так решалась проблема «что делать?», а уж «как делать?» нужно было соображать на ходу, по обстановке. Осталось пояснить, что упомянутые лица были заранее предупреждены о появлении «человека от А.П.» и благожелательно объясняли мне премудрости «работы с документами», не обижаясь на некомпетентность моих вопросов. Разумеется, мои посещения Евтеева, а затем Вольвовского, были неоднократными.

Сразу бросилось в глаза, что Ассамблея Международного геофизического союза, которая должна была состояться позже нашего конгресса, но так же с очень широким представительством иностранных гостей, имела Оргкомитет в специальном помещении и не менее десятка вспомогательного научного персонала. Словом, «генеральный секретарь» Вольвовский отличался от «генерального секретаря» Волкова по меньшей мере, как секретарь обкома от секретаря райкома.

Не составило большого труда понять, что наш Оргкомитет (бюро из 10 человек во главе с А.П. и 12 человек «просто членов») – организация сугубо представительского типа. Любопытно, что во всем ареопаге я был единственным не доктором и не членом АН СССР, кстати, даже не входил в состав бюро – там был А.А.Беус. Стало очевидно, что нужна своя команда из друзей и знакомых в ин-те.

Вот тут-то я впервые столкнулся с постоянно бытующей «подковерной борьбой». Оказалось, что ни зам. директора чл.-корр. А.И.Тугаринов, ни ученый секретарь З.В.Студеникова вовсе не намерены «бороться за общее

дело». Они тут же выразили мне снисходительное сочувствие, а А.И. прямо сказал: «Тебе академик поручил – вот и действуй». А речь шла о вполне материальных проблемах – помещение в ин-те, помощники, оргтехника. Только спустя много лет я узнал, что А.И. был обижен на А.П. смертельно: по мнению первого директор ин-та не оказал своему заместителю необходимой поддержки при выборах в академии...

В те уже очень далекие времена – золотой век советской геологии – в ГЕОХИ поддерживался весьма напряженный ритм работы и завлабы жестко противостояли отвлечению своих подчиненных на посторонние от текущего процесса занятия. Как раз в эти годы началось регулярное «командирование» научных сотрудников на московские овощные базы, в подшефный совхоз и на замечательные мероприятия под жаргонным термином «встречи-проводы». Мы выходили на неподалеку пролегающий Ленинский проспект к закрепленным за институтом фонарным столбам для махания флажками тех государств, главы которых носили визит Л.И.Брежневу и быстро проезжали в черных лимузинах под эскортом мотоциклистов с Внуковского аэродрома в Кремль. Флажки раздавал на месте (по списку) представитель райкома. Так что рассчитывать на поддержку в предоставлении помощников в «общественной работе» очевидно не приходилось.

Не помню, подсказал мне кто-то из старших товарищей или я сообразил сам, но команду для конгресса нужно было формировать так, чтобы завлабы были поставлены перед фактом. Это означало, заручившись добрым согласием двух-трех ключевых фигур, идти к А.П. с проектом приказа по ин-ту. Затея удалась полностью. Помню, были телефонные звонки от заведующих о недопустимости отвлечения людей на «общественную работу». Ответ мой был очевиден: «Хорошо, я подаю докладную Александру Павловичу, что вы мешаете не только выполнению приказа по институту, но и ставите под угрозу важнейшее междуна-

родное мероприятие». Надо ли говорить, что никаких докладных писать не пришлось! Александра Павловича не только уважали, но и боялись многие заведующие.

На первом этапе, длившемся около полугода, пришлось заниматься интенсивной перепиской с зарубежными учеными. Их список дал А.П. сам: у него дома была личная картотека зарубежных коллег, с кем он поддерживал переписку. Предполагаемых участников Конгресса он разделил на две категории: в первую попали на его взгляд самые интересные ученые и текст приглашений он писал сам, полностью доверяя «рабочей группе» в переводе на английский. Менее важным лицам мы отправляли стандартный информационный текст.

Именно в связи со списком приглашенных у меня была вероятно самая длительная встреча с А.П. – как сейчас бы сказали «в формате без галстука» у него на академической даче в поселке Николина гора. Академик достал картонные коробки с карточками адресов, несколько неожиданно для меня возникли хрустальные рюмочки, которые он наполнил каким-то дорогим коньяком и... с явным удовольствием стал вынимать карточки с лаконичным комментарием о весе того или другого маститого ученого «по гамбургскому счету». Про себя я подумал: «Жаль, что в картотеке адреса только иностранцев...»

Вся «рабочая группа», готовившая циркулярные письма Конгресса и переписку с участниками за рубежом и в СССР, кроме меня, состояла из двух очаровательных сотрудниц ГЕОХИ Милы Кодиной и Гали Барминой. Они, не утратив своего очарования, до сих пор работают в ГЕОХИ и давно из аспиранток и лаборанток стали первоклассными специалистами, и зовут их Людмила Аркадьевна и Галина Сергеевна.

Наша «оргтехника» состояла из пишущей машинки «Континенталь», старой машинки с кириллицей (лабораторное имущество), а «база данных» размещалась у Милы Кодиной на лабораторном столе среди колб и пробирок и

вмещалась в коробки из-под обуви. М.Кодина готовила кандидатскую по органической геохимии и постоянно вела эксперимент. Еще хорошо, что она была любимой ученицей хозяйки комнаты проф. С.М.Манской, которая с пониманием отнеслась к нашей разновидности научно-организационной работы.

Не могу не сказать похвального слова о пишущей машинке с латинским шрифтом. В нашей стране всеобщего дефицита такая машинка не только не могла быть куплена, но и подлежала регистрации «где положено»: нельзя же советскому человеку бесцензурно общаться на не нашем языке с иностранными подданными. Так что, дабы избежать длительной волокиты по оформлению, «Континенталь» выпуска 90-х годов XIX века был без лишней огласки доставлен и обрел свое место на том же столе М.Кодиной, где и «база данных». Эта «оргтехника» с 1946г. пылилась у моего отца – подарок от какого-то командированного из советской зоны оккупации Германии. Году в 1995 один энтузиаст-любитель музейной старины забрал ее из ГЕОХИ к себе – благо в это время не нужно было заботиться о вывозе «незарегистрированной» машинки.

Время шло, «база данных» возрастала в объеме, папки с перепиской размножались, а замдиректора по хозяйственной части «доктор» Дёмин только беспомощно разводил руками на мои требования о выделении хоть какого-то помещения для Оргкомитета.

Наконец гром грянул: как-то утром я пересек путь А.П. на институтской лестнице. Последовал строгий вопрос мне из серии: «Почему до сих пор не..?» – дальше уже не помню, что именно. Потом мизансцена. Я: «Александр Павлович, без помещения для Оргкомитета мы не сможем... и т.д.». Он: «Захочу – на биваке, в коридоре будете работать!» Я: «Не будем, я человек свободный, немедленно подам заявление об уходе из ин-та и всё». А.П. бросил на меня испепеляющий взгляд и скрылся за дверь своего каби-

нета на втором этаже («беседа» шла на лестничном пролете и в холле директорской приемной).

Не прошло и пары часов, как лично «доктор Дёмин» в сопровождении хозяйственников пониже рангом уже суетились в вестибюле института. Дня через три вместо секции гардероба уже существовала уютная комната без окон, но со стеллажами и шкафами, отгороженная перегородкой, покрашенной белой масляной краской и фундаментальной табличкой (золото на черном): «Оргкомитет Международного геохимического конгресса».

Заседаний Оргкомитета было немного и А.П. проводил их быстро. На них, насколько я помню, утверждались программные документы Конгресса, информационные письма. В основу научной программы Конгресса А.П. положил принцип, отвечающий четырем главным типам геологических процессов, определяющих химию земной коры – магматический, метаморфический, гидротермальный и осадочный. Именно такие четыре секции работали на Конгрессе, а руководили ими коллеги А.П. по ГЕОХИ – Н.И.Хитаров, А.И.Тугаринов, А.Б.Ронов, а метаморфическую секцию вел академик Д.С.Коржинский, представлявший Институт экспериментальной минералогии в Черноголовке.

У меня сохранилась статистика: иностранцы прислали ровно 100 докладов, все они были допущены к представлению на Конгрессе; советские участники – 652 (из них 270 не прошли отбор на рассмотрении руководителями секций). Приехали в Москву 173 зарубежных граждан (включая жен и сопровождающих лиц) из 24 стран (из несоциалистического мира было чуть менее половины – 74 человека, а вот наших участников – 912 человек. Из геохимиков «первой категории» по классификации А.П.Виноградова приехали очень немногие, они, действительно имели мировую известность: К.Ведеполь, Ж.Виар, Д.Шоу, Р.Фолинсби, У.Маршалл. По меркам холодной войны – западный мир еще продолжал переживать «интернациональную помощь»

стран Варшавского договора братской Чехословакии – такой представительный конгресс был нерядовым событием. Протокол был оформлен по высокому разряду: приветствие от имени премьера А.Н.Косыгина, выступления на открытии Конгресса в актовом зале МГУ – зампреда Госкомитета по науке и технике и зампреда Моссовета.

Недели за две до Конгресса в действие вступил заранее согласованный с А.П. приказ по ин-ту и «теневой» Оргкомитет увеличился, кажется, до 20–30 человек. Наверное, самую ответственную должность в нашем «теневом» Оргкомитете занимал мой старший товарищ Николай Петрович Ермолаев – крупный специалист по геохимии урана, не так давно ушедший из жизни. Он был в сущности бухгалтером Конгресса, на нем «висела» наша смета в 59 тысяч тогдашних рублей. Официально казначеем Конгресса числился милейший профессор В.В.Щербина, который только подписывал документы, а готовил их Ермолаев. Как выяснилось позднее, безукоризненно сведенная к балансу Н.П.Ермолаевым смета спасла меня от более, чем крупных неприятностей.

Конгресс прошел без крупных накладок и происшествий, и значение его прежде всего в том, что в разгар холодной войны он явился местом обмена научными идеями достаточно представительного круга геохимиков всего мира.

Содержание докладов дало моментальный снимок достижений в области геохимии начала семидесятых годов XX века.

По отработанной схеме информация о Конгрессе поступила в ведущие научные журналы геологического профиля СССР, «Ежегодник БСЭ» за 1971 год. Краткие сообщения о Конгрессе и формальное одобрение его итогов Международным союзом геохимии и космохимии (IUGC) были обнародованы в зарубежной научной периодике.

Собиратели марок и значков получили свою долю сувенирных выпусков.

Незадолго до открытия Конгресса на одном из последних заседаний Оргкомитета А.П.Виноградов неожиданно объявил, что в рамках Конгресса будет проведен специальный симпозиум «Человек и биосфера», на котором выступят сам А.П., почвовед В.А.Ковда и американский геохимик Э.Голдберг с докладами о проявлении деятельности человечества как геологической силы в биосфере Земли. Эти доклады были настоящей сенсацией, поскольку в начале семидесятых в нашей стране очень редко говорили об охране окружающей среды. Мне пришлось переводить доклад Э.Гольдберга. Помню, что огромная университетская аудитория 01 была переполнена, масса людей толпилась в холле, слушали радиотрансляцию.

Блестящий доклад А.П. предлагал четкую программу комплексных исследований загрязнения атмосферы и гидросферы, однако, реализация ее оказалась далеко за пределами жизненных сроков академика.

При закрытии Конгресса произошел забавный инцидент. Примерно за час до окончания последнего пленарного заседания в Актовом зале МГУ я получаю записку: «Срочно зайдите в комнату Президиума» (за сценой). Иду. Навстречу весьма смущенный «куратор Женя» – молодой человек с незапоминающейся внешностью из ведомства Андропова, которому я был представлен в комнате 1-го отдела ГЕОХИ за пару дней до Конгресса. С плохо скрытым волнением вполголоса мне: «Флаг Новой Зеландии спёрли! Скажи Виноградову, чтобы срочно закрывал конгресс, пока корреспонденты не пронюхали, иначе международный скандал!» Возвращаюсь к столу заседаний на сцене, шепотом сообщаю А.П. И абсолютно спокойный ответ: «Сообщите куратору, что конгресс я закрою точно по графику, а он пусть даст знать по своим каналам университетским хозяйственникам, чтобы постепенно стали спускать флаги – объясните, что по закрытии конгресса иностранцы сразу поедут в аэропорт, не будут же они фотографироваться на фоне

флагов!» – так был исчерпан инцидент международного масштаба.

Наконец, еще о том, как А.П.Виноградов спас мою научную карьеру, а может быть, и свободу. Конгресс закончился 25 июля 1971г.; а в марте 1972г. Секция наук о Земле АН СССР утверждала мой многостраничный отчет, все одобрила, полным ходом шла подготовка четырехтомника докладов, представленных на Конгрессе, который вышел в декабре 1972г. И вдруг – вызов к академику в кабинет директора. «Вот что, доктор, – говорит А.П., – к Вам очень плохо относится наш нач. отдела кадров Налепин. Он послал письмо в Управление делами АН, где утверждается, что при проведении Конгресса Вы грубо нарушили финансовую дисциплину». Пауза, улыбка: «Ни о чем не беспокойтесь, Вас даже никуда не вызовут с объяснениями. Налепин забыл, что я имею право первой подписи по финансовым делам, а я подписал Ваш отчет по смете Конгресса».

В чем же было дело? Речь оказывается, шла о том, что расходы по перепечатке огромного объема тезисов докладов и докладов Конгресса были оформлены так называемыми «трудовыми соглашениями» с частными машинистками (машбюро института не могло справиться с такой гигантской работой). Естественно, что в свое время я оговорил это с А.П. и получил его принципиальное согласие. Академик прекрасно знал, как часто надо обходить догмы административно-командной системы с помощью мелких хитростей.

По-видимому, кто-то из «доброжелателей» доложил отставному полковнику КГБ Л.И.Налепину, занимавшему должность нач. отдела кадров в течение более 10 лет, о нарушении закона при оформлении сметы Конгресса. С Налепиным у меня были остро неприязненные отношения: он как кадровый сотрудник своей «конторы» за версту чуял «уклонистов» от «генеральной линии» и ненавидел их, а я отвечал тем же. Старый лис очевидно рассчитывал, что его официальный донос аукнется только на мне как генераль-

ном секретаре Оргкомитета, а Виноградов просто сдаст меня как «сошку», выполнившую то, что ему было велено. Не учел, очевидно, чекист, что у младших современников Вернадского была иная психология, чем у солдат партии Ленина-Сталина. Кстати, чуть больше, чем через год после кончины А.П., Налепин подал заявление об уходе по собственному желанию и исчез из поля зрения своей паствы в ГЕО-ХИ. Конгресс был для меня исключительно важной жизненной школой и, конечно, только благодаря А.П. я прошел эту школу с удовлетворительным финалом.

И все же... Я никогда не узнаю, почему этот Конгресс остался первым и последним в истории международного научного сообщества. Ведь А.П. оставалось еще целых четыре года жизни после окончания Конгресса, однако, никакой подготовки ко второму конгрессу, насколько я интересовался, он не проводил. После А.П. в СССР уже не было геохимиков такого масштаба, а его зарубежные коллеги не сочли нужным развить инициативу ученика и преемника Вернадского.

Август шестьдесят восьмого

Буквально за несколько дней до 21 августа я возвратился в Москву с традиционных полевых работ на Кольском п-ове. Как потом выяснилось, это было мое последнее «поле», что, конечно, никак не связано с событиями, о которых расскажу здесь, а просто факт моей пестрой научной биографии. Субъективно грустный.

В общем и целом, я довольно прилично представлял себе ход событий в Чехословакии летом 1968г., поскольку в «полях» уже появились портативные радиоприёмники, но, конечно, как и большинство обычных жителей СССР, не мог ожидать вооруженной интервенции. Я был не только полным сторонником Дубчека, но считал, что происходящее в Чехословакии оправдывает мои собственные соображения по вступлению в КПСС в 1963г. непосредственно из комсомола. Как же – будем строить социализм с человеческим лицом?! Уровень моей информированности был, пожалуй,

повыше, чем у большинства моих товарищей: у меня был канал на «Белый ТАСС». Это еженедельное обозрение зарубежной печати, составлявшееся в ТАСС'е и рассылавшееся по списку членам идеологической номенклатуры КПСС, имело гриф «секретно». Там можно было прочитать полный текст Программы действий КПЧ, Декларацию «2000 слов» и т.п. К тому же я свободно читал «Morning Star» – английскую коммунистическую газету, в которой были краткие сообщения из Чехословакии, отсутствовавшие в нашей печати. Эта газета продавалась в пригостиничных киосках в центре Москвы («Метрополь», «Националь») и я не ленился покупать ее там довольно регулярно.

К сожалению, уже не могу вспомнить, как я вообще узнал о вооруженном вторжении армий Варшавского договора в Чехословакию. Помню, что газеты вышли с огромным опозданием, и в ин-те не было газеты от 21 августа до середины дня.

Я был тогда руководителем «внутреннего агитколлектива», членом партбюро института. Вероятно около полудня меня попросили зайти в партбюро. Там были Г.В.Нистеренко, М.С.Чупахин и Л.И.Налепин. Не могу вспомнить, кто был секретарем. У меня такое впечатление, что тогда этот пост занимал И.В.Александров, но был в поле, а его обязанности исполнял то ли Нистеренко, то ли Чупахин, Налепин (полковник КГБ, нач. отдела кадров) был зам по идеологической работе. Сейчас никого из них в живых нет.

Прекрасно помню, что к этому моменту я знал о происшедшем по крайней мере в объеме официального текста о вторжении и догадывался, что предстоит некая пропагандистская акция. Так и оказалось. Мне предлагалось провести митинг, на котором коллектив единодушно одобрит мудрые действия Советского правительства. Помню, что я вначале технично валял дурака в словесной дуэли с Налепиным (мы друг друга зоологически ненавидели). Я научился этому уже давно, и к смущению Нистеренко и Чупахина по-

ставил бедного полковника в тупик. Я ссылаясь на отсутствие официальной информации, которую, как и все партийные документы, нужно «долго и тщательно изучать» и выразил убеждение, что не стоит торопиться, а подождать. В ответ было сказано, что есть указание РК КПСС провести митинг и ты должен выполнить партийное поручение. Мой ответ был в стиле нашей общепартийной демагогии: «Партийные поручения выполняю, только когда пойму их суть, а бездумное следование указаниям противоречит ленинским нормам партийной жизни». После моего категорического отказа вести митинг разговор стал бессмысленным и меня отпустили.

Через пару часов, придя в конференц-зал ин-та после объявления о митинге по громкой связи, я увидел за пустым столом президиума беднягу Л.Д.Шевалеевского, который вынужден был выполнять партийное поручение. Если не ошибаюсь, он в нашем партбюро возглавлял «внешний агитколлектив».

Митинг был коротким. Народу примерно половина зала: ведь, 21 августа – время полевых работ и отпусков. Потом узнал, что некоторые намеренно остались в лабораториях, не желая присутствовать на очередном «показушном» мероприятии. Прошло 30 лет, поэтому трудно ручаться за полноту воспоминаний – осталось самое яркое и драматичное. Кажется, один или два заранее подготовленных человека что-то говорили по принципу «Поддерживаем и одобряем». А, может, этого и не было.

Запомнил на всю жизнь, что совершенно для меня неожиданно на сцену вышел Игорь Ходаковский, который только недавно стал сотрудником ГЕОХИ (или был еще стажером-исследователем) и выступил с эмоциональной речью. Из нее помню лишь, что он не может слепо поддерживать вооруженную интервенцию против независимого братского государства, что не может выносить официальной лжи и голосует «против». Еще что-то по поводу книги Александра Верта «Россия в войне 1941–45 годов», кото-

рую он прочел, и у него открылись глаза на нашу недавнюю историю.

Тут же с яростной отповедью вышла З.В.Студеникова, тогда ученый секретарь (все руководство ин-та во главе с А.П.Виноградовым было в составе советской делегации на Международном геологическом конгрессе в Праге как раз в эти дни).

Сейчас не могу вспомнить, когда была объявлена процедура голосования: до или после речи Ходаковского и ответа Студениковой. Словом, когда подняли руки, то против оказался Ходаковский, а воздержались я и Сережа Козеренко из лаб. Щербины, которого я вообще не знал тогда. Ходаковского знал мельком по экспедиции на Кольский, где мы пересеклись на неделю, кажется, в 1962 г. Он еще был студентом. (На научной биографии И.Л.Ходаковского эпизод 1968г., к счастью, не отразился. Он с блеском защитил докторскую диссертацию в 34-летнем возрасте, возглавил созданную им лабораторию термодинамики геохимических процессов в ГЕОХИ. Сейчас – профессор открытого университета в г.Дубна, зав кафедрой).

Вроде бы на следующий день или через день состоялся знаменательный разговор с Г.Б.Наумовым, тоже членом партбюро, который помню очень хорошо.

Георгий Борисович (Юра) проявлял ко мне внимание давно, еще с аспирантских моих времен (1957–1959гг.). Ему я обязан вовлечением в сферу интереса к общим проблемам естествознания и прежде всего к личности и идеям В.И.Вернадского. От него я еще в 1959г. узнал о существовании неопубликованных трудов Вернадского по философии естествознания и некоторых положениях этих трудов. Наумов заставил меня отказаться от дурацкой студенческой догмы «Вернадский устарел, поскольку фактический материал его работ получен устаревшими неточными методами».

Словом, для партийного «разговора по душам» он был для меня кандидатурой идеальной. Беседа состоялась

в коридоре у окна рядом с кабинетом ученого секретаря. Сейчас в этой комнате кабинет зам.директора по геохимии. «Я с тобой говорю по просьбе Александра Павловича (Виноградова -- нашего директора–акад.). Твоя фамилия – в блокноте у Гришина (тогдашнего первого секретаря горкома), таких членов партии на Москву 7. А.П. просит, чтобы ты признался в своей политической ошибке на общеинститутском митинге, где сам А.П. и другие члены советской делегации расскажут о том, как все было в Праге 21 августа».

– «А что, если я не выступлю?» – сказал я. – «Тогда исключение из партии, увольнение из ин-та как минимум. А.П. позаботился о тебе, как мог. Он сказал, что самое большее, на что ты можешь рассчитывать – работа геолога в Иркутском геологическом управлении».

«Почему именно в Иркутском?» – подумал я.

Я никогда не спрашивал Г.Б.Наумова, на сколько процентов его беседа была действительно поручением А.П., или это был экспромт по поручению партбюро. Насчет Иркутска выглядело логично: ведь, в Иркутске был наш дочерний ин-ут, который возглавлял наш бывший сотрудник (я даже был с ним в одной лаборатории) будущий акад. Л.В.Таусон.

Нечего говорить о том, что самого А.П. я тоже не спрашивал об этом эпизоде, хотя близко с ним работал в 1970–1972гг. в связи с Международным геохимическим конгрессом в Москве летом 1971г. Так что корни описанной беседы-ультиматума так и останутся для меня навсегда неизвестными.

Разговор был очень коротким. Я помню его практически полностью. Заключительная фраза, как и все предыдущие, была произнесена дружеским тоном с едва уловимой нотой сочувственного понимания: «А.П. надеется, что ты достаточно уважаешь его и ин-т, в котором ты вырос, и скажешь все, что необходимо. Сам знаешь, что говорят в этих случаях. И потом, у тебя, ведь, семья, двое детей, так что подумай...».

Я подумал. Написал покаянную речь, благо, примеров было, хоть отбавляй – начиная с Бухарина и Рыкова (я зубок знал стенографический отчет о процессе «правотроцкистской банды преступников и убийц») и кончая менделистами-морганистами 1948г. и президентом китайской академии Го-Мо-жо (1966г). Текст на липовой аллее Воробьевского шоссе показал своему другу – тогда коллеге по ин-ту – сейчас он зав. кафедрой одного из московских вузов. Друг был и остается для меня очень большим авторитетом. Он отреагировал однозначно: «Правильно написал. Придется выступать. Помнишь Евтушенко: “Он знал, что вертится Земля, но у него была семья”...».

Второй институтский митинг я помню плохо. Вроде бы А.П. только открывал и закрывал. Он вообще не умел говорить на партийном новоязе, зато два больших жизнелюба А.И.Тугаринов и А.Б.Ронов со вкусом рассказывали пражские подробности, не входя уж особенно в политические оценки. Очень хорошо вижу на трибуне А.И.Тугаринова, который характеризовал нравы чешской молодежи, затронутой тлетворным влиянием Запада. «Представляете, ходят с плакатами: “Make love, no war” » – и с удовольствием разъяснял плохо знающей английской аудитории, что означает «to make love»...

Помню, что А.Б.Ронов показывал диапозитивы, где были горящие советские танки и негодующие толпы с флагами Чехословакии. Больше ничего не помню, были ли еще выступающие или нет. В конце собрания объявили, что слово просит Волков. Вышел я и, наверное, единственный раз в жизни прочитал по бумажке речь. Я ее сохранил. Текст вот такой:

«После того, как я с большим интересом выслушал выступления участников Геологического конгресса в Праге, считаю своим долгом в связи с политическими событиями в Чехословакии сказать следующее.

У нескольких сотрудников нашего института, в том числе у меня, в самый острый момент, т.е., днем 21 августа

не хватило политической зрелости, не хватило быстроты реакции на чрезвычайные события.

После длительных размышлений я пришел к выводу, что причина такой неверной позиции кроется в попытке эмоционального, абстрактно-гуманистического подхода к социальным явлениям.

А, ведь, эти явления нужно оценивать только с классовых позиций, поскольку так называемый «третий путь», понятия абстрактной свободы, абстрактной демократии суть иллюзии. История многократно показывала это, события в Чехословакии подтвердили еще раз.

К несчастью, иногда забывается простая истина о том, что понятие абстрактного гуманизма и прочие выросли на почве буржуазной идеологии и выгодны только ей. На примере событий в Чехословакии можно извлечь уроки классового подхода. Во-первых, ввод войск 5 стран по просьбе гражданских лиц и государственных деятелей явился абсолютно необходимой и своевременной мерой, несмотря на то, что эта просьба не исходила непосредственно от главы государства или правительства. Речь шла об угрозе самому существованию социализма в Чехословакии и предотвратить эту угрозу было необходимо, несмотря на то, существовало или нет арифметическое большинство сторонников ввода войск в Чехословакию или нет. Это как раз случай, когда на каком-то этапе меньшинство могло выражать единственно правильное с точки зрения классовой борьбы позицию. Вспомните, как Ленин боролся с арифметическим большинством в ЦК, когда необходимо было заключить Брестский мир.

Во-вторых, о нейтрализме (положении между двумя лагерями), которым так гордятся руководители СФРЮ и лозунги которого провозглашались правыми в Чехословакии.

Нейтральных стран во время мирового конфликта не было и не будет. Хотят того или не хотят руководители такой страны, они становятся по одну какую-то сторону баррикад. Во время событий в Венгрии и сейчас в Чехослова-

кии Югославия все-таки занимала не ту позицию, которая должна быть у социалистической страны.

Если бы Чехословакия стала нейтральной, то это фактически открыло бы путь для нового «Дранг нах Остен». Именно поэтому ФРГ и проявляет такую заботу и внимание к призывам к построению особой модели социалистического государства, которые слышались из Праги. А, ведь, следовало бы задуматься и над такой старой классово-истинной: если враг тебя хвалит, подумай, какую ошибку ты сделал.

В заключение я хочу выразить надежду, что мое выступление заставит задуматься тех товарищей, которым 21 августа было не все ясно.»

А дальше – тишина. Никто никогда со мной об этой речи и самом факте выступления против линии партии не говорил. Не было никакого «персонального дела». И была изумительная по фарсовости нота: в ноябре или декабре меня направили в Ленинский райком вместе с увы, покойным Г.Нистеренко – тоже членом партбюро. Надо было послать представителей на пленум РК. На трибуне первый секретарь бубнит отпечатанный доклад: «Наша районная партийная организация еще теснее сплотилась вокруг нашего ленинского ЦК и её генерального секретаря товарища Леонида Ильича Брежнева в дни, когда весь советский народ с чувством глубокого удовлетворения встретил решение Советского правительства об оказании интернациональной помощи братскому народу Чехословакии. Есть, правда, и отдельные недостатки: в НИИ геохимии им. Вернадского нашелся один член партии – бывший руководитель агитколлектива Волков, который на митинге голосовал против решения о братской помощи». Нистеренко толкнул меня локтем в бок: – «Слышишь, ведь, это о тебе – мол, бывший...» Я кивнул головой. Больше мы с ним об этом не говорили. Так что для райкома я уже был «бывший» и им было невдомек, что он сидит в зале... Как любит цитировать

мой друг одного не очень известного писателя: «Равнодушные – обратная сторона бюрократизма».

КОРОНОВСКИЙ Н.В.

О СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Сразу после окончания факультета в 1956 г. я был привлечён к преподавательской работе и к проведению геологической практики в Крыму. Таким образом, стаж моей педагогической работы 50 лет.

Я читал курсы по «Структурной геологии и геокартингованию», немного по «Исторической геологии» у географов, но, в основном, по «Геологии СССР», а последние 20 лет я читаю «Общую геологию» для всех студентов 1-го курса, а это 220 человек.

Приходится много заниматься различной организационной работой в образовании, так как много лет возглавляю геологию в УМО (учебно-методическое объединение) всех университетов России и более 15 лет я работал в ВАК'е, в качестве председателя Экспертного совета по геологии.

Все это позволяет мне оценить ситуацию, скажем, 50 лет назад и сейчас.

Что же мы имеем в наши дни? Первое – это катастрофическое падение уровня образованности абитуриентов. Иначе говоря, школа не справляется со своей задачей. Студенты 1-го курса не знают истории, географии, иностранного языка, физики, химии и т.д. Единственное: они натаскиваются по математике.

Геология в нашей стране сейчас не в моде. Все хотят быть юристами, экономистами, менеджерами. Первый вопрос, который задают абитуриенты и их родители: сколько будет получать денег он или она после окончания. Не зарабатывать, а именно получать. И все хотят быть нефтяниками или геофизиками-сейсмиками.

Второе важное обстоятельство – это потеря мотивации к учёбе на старших курсах, так как студенты понимают,

что в геологии они вряд ли будут работать. И общий уровень образования студентов падает, хотя мы пытаемся держать планку. Развитие компьютерного дела привело к тому, что студенты перестали читать книги. Читальные залы пусты, даже и в сессию. Вообще никого нет!

Наше геологическое образование было и пока ещё держится за счёт нашего в целом хорошего учебного плана и 5-летнего обучения. Нигде в мире нет таких практик, как у нас на 1-ом и 2-ом курсах в Крыму. К сожалению, сейчас плохо стало с производственными практиками. То, что было раньше, полностью исчезло, и государство практически не проводит, за малым исключением, геологических работ. А съёмка – это единичные листы для доизучения. Всё сейчас в частных фирмах.

Что касается модернизации образования, то никаких внятных объяснений никогда и никем дано не было. Одни слова: надо быть как в Европе, надо на них равняться, надо, чтобы наши дипломы были понятны Западу, надо примкнуть к Болонской декларации, чтобы увеличить мобильность студентов и преподавателей.

В общем, медленно и постепенно наше хорошее образование уничтожается под разными предлогами. А смены уже почти нет. За нами, которым за 70, -- почти никого.

ЛОМИЗЕ М.Г.

КАК Я БЫЛ ПОЛНОМОЧНЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СССР НА ПЕРВОМ ЛАТИНО-АМЕРИКАНСКОМ ГЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

Всякое бывает в жизни. Ведь вот не хотел и не собирался, а оказался в положении известного гоголевского героя.

Все началось с того, что будучи в Сантьяго скромным стажером Чилийского университета я узнал, что в соседней

стране вскорости собирается Первый Латиноамериканский геологический конгресс. Посмотреть Перуанские Анды, Лиму! Разложившись в условиях чилийской революции (сподобился приехать туда в сентябре 1970 г., через 4 дня после избрания Альенде), я нарушил запреты наших надсмотрщиков и напрямую послал телеграмму А.А.Богданову. Он сделал максимум возможного: быстрое разрешение из Москвы и 150 (!) долларов на дорогу и всё остальное. Не в деньгах счастье. Поскольку их у меня почти не было, на самолёте лететь не мог, железной дороги там нет, и поехал я за 3,5 тыс. км до Лимы, вдоль Анд на автобусе: всё посмотрел, все прочувствовал. Добрался через несколько дней, привёл себя в порядок, а утром явился на конгресс вместе с приличными сеньорами и джентльменами. Зарегистрировался.

Открытие было торжественным и даже помпезным: ведь конгресс -- учредительный, первый для Латинской Америки, а народ там темпераментный и очень патриотичный! Всячески подчёркивалось, что почтить конгресс приехали геологи всех стран и континентов. Пошла процедура вручения памятных грамот самому уважаемому представителю каждой страны. Поскольку из СССР я был единственным, значит и самым уважаемым. Должен сказать, что я сорвал гром аплодисментов, когда было оглашено мое имя рядом с названием великой державы весьма популярной в те годы среди латиноамериканцев.

Оправдываясь, хочу подчеркнуть, что потом честно потрудился и отправил подробный отчет о конгрессе на родину, где его напечатали в Вестнике МГУ. Конгресс был действительно интересным, ведь он проходил на переломе геологических времен. Я пообщался там и с последним корифеем учения о геосинклиналях Ж.Обуэном, и с Дж.Дьюи -- одним из самых талантливых тектонистов новой генерации.

Но вернусь к дням конгресса. В отличие от гоголевского героя я не пытался брать ни деньгами, ни натурой. По-

этому, вместо недоступно дорогих официальных экскурсий, отправился через Анды в обществе колоритных индейцев-кечуа, перевалил и добрался до славной столицы инков Куско. А оттуда до их тайного города Мачу-Пикчу на скалистом гребне в истоках Амазонки. На самом высоком гранитном пике виднелась древняя сторожевая башня. Взобрался на неё по каменным уступам, взглянул на бескрайние горы и воды Урубамбы далеко внизу. И подумал: это пик моей жизни?!

ПОСТНИКОВА Г. И.

КАК РАЗБАЗАРИВАЛАСЬ СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

И ещё об одной стороне прежней жизни наверно будет интересно рассказать. Я уже писала, что работала в Минвнешторге. Патентный ин-т я окончила из чистого любопытства. И получилось так, что мне предложили работу в МВТ. Такое дважды не предлагают, а любопытно очень! Я просто не могла отказаться. К этому времени в МВТ накопились проблемы в связи с экономическим использованием объектов интеллектуальной собственности. Вопросы сложные и для юристов Внешнеторговых Объединений Минвнешторга (В/О) – непонятные. Патентное право это вообще одна из наиболее сложных отраслей права и здесь дуриком с кондачка не разберёшься, а между тем в системе Минвнешторга из-за этой неграмотности пошли экономические потери. Вот и пригласили специалиста в Главк. У меня дипломная была соответствующая «Целесообразность патентования советских изобретений за рубежом».

Приведу пример потерь. Где-то в 50-х годах мы успешно торговали в Австралии рыбными консервами. Каждая банка, как известно, имеет этикетку с определенными надписями и рисунком. Так вот эта этикетка и её отдельные

элементы может и должна быть защищена в рамках законодательства о товарных знаках. Никто другой не может пользоваться такой же этикеткой, даже если товар идентичен совершенно. Покупатели, как известно, идут за привычной этикеткой. За рубежом в советские времена мы всегда торговали через местную фирму-посредника. Не надеясь на нас, фирма-посредник оформила на свое имя права на название этих товаров. Мы тогда плоховато знали особенности капиталистической торговли и не поняли, чем это нам грозит. Все шло нормально, пока фирма-посредник не разорилась. Имущество пошло с молотка и наши (по сути) товарные знаки – тоже. Нам предложили выкупить право на них, но наши специалисты гордо возмутились. Они и так считали их своей собственностью, коль скоро банки были наши. Право на использование наших этикеток продали третьим лицам. А когда в очередной раз мы привезли в Австралию продавать свои банки под этими знаками, новый владелец этих знаков предложил нам убираться с рынка, что мы и вынуждены были сделать.

Так был потерян австралийский рынок рыбных консервов, а ведь это валюта, на которую, в частности, покупали приборы и для наших лабораторий. Такие ляпы со знаками случались не единожды и в разных странах. Понять особенности прав на использование различных названий было относительно несложно и вскоре В/О, через которые осуществлялась госмонополия внешней торговли, поняли экономическое значение этикеток и других названий товаров, художественные, психологические и правовые требования к ним, и стали оформлять права на различные названия в разных странах на свое имя (хотя принадлежали они производителям). Худо-бедно это как-то пошло, хотя и попадали еще впросак с нашей неспешностью и социалистическим подходом.

Сложнее было с экономическим использованием советских изобретений. Изобретение можно продавать как техническое решение, в той или иной мере освоенное и до-

ведённое до технологического процесса, – тогда продают лицензию на право использования изобретения. А можно продавать товар (машины, приборы и т.п.), в котором воплощено изобретение. И именно это и есть самое выгодное. По-хорошему -- сначала продают товар на основе изобретений, а потом, когда уже не могут охватить всего рынка, продают еще и лицензии.

За рубежом крупные фирмы, концерны имеют собственные патентные службы, которые разрабатывают гибкую патентную политику. Специальным договором с возможным изобретателем оговариваются права фирмы на не созданные, но возможные изобретения. Изобретения отслеживаются уже на момент создания и сопровождаются не только своевременной охраной или умышленным разглашением, но и экономическими исследованиями по странам, где в дальнейшем готовится продажа товара по изобретению или возможно производство такого товара или его общественное использование.

Всё это должно быть учтено и просчитано, так как получение патента и поддержание его в силе стоит немалых денег, а упущения в защите обходится еще дороже. Надо учесть и степень легкости нарушения прав по патенту и возможность поймать нарушителя, и возможные судебные процессы и много ещё что, о чём здесь не расскажешь.

У капиталистов существует ряд законов, которые с той или иной стороны препятствуют монополии сильнейших фирм. Показательно, что только владение патентами – единственный рычаг в современном мировом хозяйстве, который дает возможность монопольно держать рынок новейших товаров, ими защищённых. Причём, конкуренты превращаются в фактически контролируемые предприятия через продажу им лицензий на право использования новейших технологий.

Дело в том, что в лицензионном соглашении очень многое оговаривается, как то: объём выпускаемой продукции, рынки сбыта, платы с объёма выпущенной или про-

данной продукции и т.д. А это значит, что лицензиат (покупатель лицензии) должен допустить лицензиара (продавца лицензии) к своей документации. Старый товар на рынке не найдет сбыта, а новый может быть создан либо на основе чужих изобретений – тогда покупай лицензию и будь готов, что тебя проконтролирует лицензиар, -- либо надо создавать собственную научно-исследовательскую базу и делать рывок над уровнем техники, что очень дорого.

Это у них там за бугром. И они к этой жизни приноровились.

А у нас при социализме? А у нас дома форма охраны – авторское свидетельство, а для иностранцев – патент. Не мог отказать законодатель в самом существовании патента (а это, ведь, форма частной собственности!), а то и наши изобретения за рубежом патентовать не будут – условия взаимности! Есть всякие договора, соглашения, конвенции. Мы тоже их члены.

А что такое это авторское? Сведения о новом изобретении по авторскому (как и по патенту) в системе патентной информации идут очень быстро и практически мгновенно оказываются в патентных ведомствах всех стран. Это значит, что никому, включая и автора этого изобретения, если он опоздает, патента на такое техническое решение уже не дадут. А вот использовать, если нет на этой территории патента, – может каждый. Если принять во внимание, что мы патентовали за рубежом что-то порядка 1% от изобретений, защищенных авторскими, то остальные 99% мы оперативно через патентную информацию безвозмездно рассказывали миру, заботливо сокращая средства иностранцев на НИР.

Сочетание Советского Торгового и Изобретательского прав давало возможность иностранцам воплощать наши изобретения по авторским у себя в стране и продавать их нам же в товаре. Иностранцы в такую безнаказанность даже поверить не могли и попросили нашего очень опытного патентоведа растолковать особенности нашего законодательства. Тот действительно написал доходчивую книжку,

которую, хотя она и была – сущая правда, пришлось притормозить, чтоб у иностранцев еще оставались сомнения в качестве наших законов. Нормальному человеку трудно представить, что наш же закон до такой степени подставляет своих же!

Приведу пример, чтоб было попонятней.

Жил-был один изобретатель Иванов, который работал на советском Предприятии и изобрел нечто из области прокатных станов и поимел за это 4 авторских свидетельства. Суетиться, чтоб запатентовать их за рубежом, он не стал. (А может и выразил желание -- да отказали.) И никто не стал. А это Предприятие решило не делать никаких прокатных станов и не покупать их дома (знаем мы советское качество!), а заказать по импорту, благо в валюте не отказали. Дали поручение В/О и оно, согласно установленного порядка, купило прокатный стан у Круппа в ФРГ.

Стан поступил и был установлен на Предприятии, где работал Иванов. И тут Иванов видит, что четыре его изобретения воплощены в этом стане. Он – в свою патентную службу. Мол, надо бы заплатить! Те – торговаться, платить не хотят. Это вынудило Иванова обратиться с письмом на имя самого Круппа. Мол, неплохо бы заплатить. Но где живет этот Крупп, Иванов не знал, поэтому и принёс письмо в В/О, которое этот стан закупало. А юрист В/О пришёл в Главк (стало быть – ко мне) разбираться – что делать?

По закону изобретателю авторское вознаграждение заплатит Предприятие, где этот стан используется, т.е. его родное Предприятие. В крайнем случае – через суд, если там очень упёртые юристы. Эта часть понятна. А Страна родная что получит? Ведь это она – СТРАНА – владелица всех изобретений по авторским на собственной территории. Да ничего она не получит! И всё по закону! Своё же купили! И Крупп ничего не нарушил! Поверьте на слово, чтоб еще на страницу анализ права не писать. В нашем общем социалистическом котле средств уменьшилось согласно нашим же законам! И так не единожды!

Возможность иностранцам патентовать у нас свои изобретения привела однажды на моей памяти к необходимости что-то срочно менять в наших планах. А ПЛАН, как вы еще помните, – святая святых нашей социалистической экономики.

Наши специалисты придумали что-то новенькое, кажется в коробке передач (точно не помню), да пока бегали по инстанциям и согласовывали страны зарубежного патентования (как будто это надо изобретателю!), к нам в страну в наше патентное ведомство подали зарубежную заявку на патент на аналогичное решение.

Оформлено всё правильно по закону. Приоритет – у них. Через установленное время они получают патент на нашей территории (а также устанавливают свой приоритет в странах Парижской Конвенции) и имеют все права по патенту (а не по авторскому!) у нас в СССР, а стало быть, имеют право запретить нам у себя дома использовать это техническое решение.

А оно у нас уже в планах забито! Наши забегали и большие начальники всё не могли взять в толк: как это иностранцы смеют в нашей же стране нам что-то диктовать!

Не помню сейчас, как выпутывались. Там много вариантов. Есть такая присказка у патентных поверенных: «Слабый патент в сильных руках – сильнее, чем сильный патент в слабых руках». Соображать надо быстро, изворотливо, находчиво и помнить, что выход всегда есть. Ни тени паники и кураж не терять! Вообще эти дела одни из самых интересных, какими по жизни мне пришлось заниматься, и страшно азартные! Однако в условиях социалистического хозяйствования – это тоска от потери времени и темпа на согласования, от узаконенных убытков и собственного бессилия что-либо изменить, а главное – от уверенности бюрократов, что изобретение нужно изобретателю больше, чем владельцу этого изобретения, от неумения владельца всех изобретений по авторским – страны родной – ими по хозяйски распорядиться.

Страна Советов, как вы знаете, держава сырьевая. Что очень обидно, так как научный потенциал высок. Однако очень редко мы все-таки продавали высокотехнологичное оборудование. Но и здесь случались убытки всё из-за того же законодательства. Расскажу ещё об одном примере, который кроме всего прочего, показывает, что страна с такой внутренней организацией, как наш СССР, неминуемо должна была развалиться, так как она не способна интенсивно развиваться и не может выдержать конкуренции с теми, которые живут и богатеют на основе высоких технологий.

Случилось так, что в одном из сибирских ин-тов создали принципиально новую конструкцию, которую назвали Пневмопробойник. Эта штука может самостоятельно входить в землю и протаскивать за собой, например, провод. Она даёт возможность прокладывать под землёй -- например, под насыпью железной дороги -- различные коммуникации, ради прокладки которых раньше было необходимо остановить движение на дороге, разобрать полотно, раскопать и т.д.

Тогда у Пневмопробойника не было конкурентов. Было ясно, что эта штука будет пользоваться большим спросом. Пневмопробойник включал технические решения по четырем изобретениям, которые своевременно получили патентную охрану в странах Европы. Более того. Срочно включили в план создание специального завода, который и стал их выпускать, а В/О – продавать по Европе и, в частности, в ФРГ.

Всё шло почти хорошо. Валюта шла. Но наши мощности не покрывали потребность Европы в этой технике, а внешний вид нашего изделия и всякие мелкие, но удобные для потребителя прибабасы отсутствовали. В этом случае, как правило, возникает конкурент. Он и возник. Его пневмопробойники внешне были покрасивее, со всякой удобной мелочёвкой и он стал портить нам торговлю.

Наш посредник в ФРГ купил пневмопробойник нарушителя, переслал его в Ин-т изобретателям. Те разобрали его до винтика, сравнили, проанализировали и установили: да, четыре наших патента – нарушены. Информацию отправили во Внешторг, где всё зависло на годы, так как некому было разбираться.

К тому времени, когда такие проблемы стали моим делом – прошло почти три года. Истекал срок исковой давности. Пришлось повертеться, поспешить, и мы таки успели составить исковое заявление и подать на нарушителя в суд. Суд идёт на территории той страны, где нарушен патент и по её законам. Опуская всякие детали, скажу только, что мы выиграли несколько судебных процессов по этому делу, нарушитель был вытеснен с рынка и осталась последняя, казалось бы приятная часть – показать суду наши убытки для того, чтобы нарушитель их компенсировал. Но «фишка» в том, что нарушены права не какие-нибудь, а по патенту и по нормальной логике убытки возникают у того, кто является собственником патента и именно эти убытки должен показать патентообладатель суду, а суд – обязать нарушителя их покрыть.

А у нас?

Патентообладателем по патентам – аналогам наших авторских – в ФРГ приказано быть Институту, где работает изобретатель. (По законодательству всех стран страна не может быть патентообладателем.) Этот фиктивный назначенный патентообладатель не имеет убытков от действия патентонарушителя в ФРГ, так как не имел от этих патентов прибыли. У нас вообще не выяснишь, куда шла валюта от этих пневмопробойников.

Получается так, что даже выиграв дело, потратив уйму денег и трудозатрат коллектива высококвалифицированных специалистов, мы не можем компенсировать свои (читай – страны) убытки по максимуму! Зачем было стоять на ушах, если собственные законы душат крепче всех недругов! После этого дела я пыталась с упорством оптими-

ста-маньяка кое-что поменять в законах. С того места, где я была, это было возможно с соблюдением определенной процедуры. Предлагаемые мной формулировки трижды заворачивал Юридический отдел Минвнешторга. Тогда я пошла туда ногами и имела длительную беседу с одним из опытейших юристов. Я говорила: «Я согласна, что формулировки плохи. Но помогите мне дать их! Посмотрите, что происходит. Страна терпит убытки, будет иметь их впредь и мы ничего не можем сделать!». Он сокрушенно соглашался, но терпеливо объяснял мне, что дело собственно не в формулировках, но всё то, что я собираюсь узаконить, противоречит основному закону социалистического государства. Вот так! Бедными, отсталыми и бесхозяйственными мы должны быть, чтобы не нарушать наши основные принципы!

Все мы работали в науке и знаем, что существует много условий (параметров), чтобы процесс нормально шел, но достаточно отсутствия одного из них, чтобы пошли сбои и процесс в конце концов заткнулся.

Экономика государства не может в современном мире развиваться не интенсивно. Интенсивность развития обеспечивается новой и новейшей техникой, которая опирается на изобретения и ноу-хау. Опора на сырье не может быть постоянной. Во-первых, потому что оно конечно и, во-вторых, потому, что разворачивается население – оно разучивается интенсивно работать, ждёт, что дадут и что прикажут. У нас всегда было достаточно умных талантливых изобретателей, но социалистическая система с её тупой плановостью, неповоротливостью, недоверием, неуважением и эксплуатацией человека умственного труда представляет собой ту среду, где изобретения не живут. У нас их с трудом внедряли, а их надо встречать, как долгожданного ребенка и пестовать! Нет для них условий благоприятования! Страна с такими порядками не может развиваться, не может соревноваться со странами, которые буквально хватают и используют новое и новейшее. Ей не на-

до внешних врагов. Она неизбежно должна была разрушиться изнутри, что и произошло, и ныне мы расплачиваемся за то, что слишком долго шли по ложному пути.

РАМЕНСКАЯ М.Е.

19- 21 АВГУСТА 1991 года

19-го, услышав сообщение ГКЧП, я подумала: «Всё. Коммунисты устроили переворот. Кончились наши надежды». Горбачёв был отстранён как недееспособный. Вице-президент Янаев подписал указ, что обязанности президента должен был исполнять он. Ещё ночью было объявлено чрезвычайное положение. «Эхо Москвы» замолчало. Пришлось включать телевизор. Выслушав сообщение о чрезвычайном положении и возвращении советских порядков, я пошла на работу. По дороге видела вдали идущие куда-то танки. Народу в лаб. было мало (потом оказалось, что они были ТАМ). Весь день в лаб. я писала научную статью по докладу в Пущино, а по дороге домой увидела призыв Ельцина защитить новую власть с его факсимильной подписью и решила пойти к зданию Верховного совета с вечера. Но, пока готовила обед и собиралась, объявили комендантский час. И мне стало страшно. Одно дело там, на площади. На миру и смерть красна. А если по дороге арестуют? Ничего сделать не успеешь, а вся дальнейшая жизнь будет испорчена. Они это умеют!

20-го с утра зашла 80-летняя соседка. Рассказала, что строила баррикады из материалов какой-то стройки, а ещё подогнали троллейбусы. И я отправилась туда с утра. Народу было очень много, но никакой давки. У всех приподнятое настроение, светлые лица. Все, как в День Победы, чувствовали друг друга единомышленниками, почти друзьями. С балкона над крыльцом «Белого дома» депутаты рассказывали о положении в Питере и других городах, делились новостями и своими соображениями. Митинг – не митинг, но что-то вроде. Переняв опыт Вильнюса и Риги,

организаторы защиты поставили на площади несколько передвижных туалетов. Бутерброды были с собой. А вот сесть было совершенно некуда. Баррикады для этого не годились: они все были оцетинены длинными пиками, видимо, предназначенными для строительства прозрачной чугунной ограды. У многих были портативные приёмники, по которым слушали зарубежные и наши официальные радиостанции. Время от времени раздавался громкий голос: «Врача» – это в толпе кому-то стало плохо. Соседи поднимали руку, через толпу пробирался врач (такой же, как мы, «защитник дома») оказывали помощь, и, если надо, отводили либо относили к дежурившей там «скорой помощи». Нервное напряжение было очень большим.

Целый день бродила я под мелким дождиком в ожидании штурма, которым всё время официальные радиостанции грозили, и не встретила ни одного знакомого. (Юре Пиковскому из нашей лаб. повезло: он встретил нашего аспиранта с женой. Все мы трое пошли туда тайно друг от друга). К вечеру распухли и разболелись ноги. А сколько дней ещё придётся стоять? Чтобы сберечь силы, хромая, двинулась домой. По дороге видела: не все москвичи с нами. Вот какая-то девушка злобно срывает «Общую газету» (объединились редакции всех закрытых ГКЧП газет и выпускали газету с таким названием), а вот на листовке с призывом Ельцина жирным фломастером намалёвана шестиконечная звезда. Это «красно-коричневые» хотят показать, что советскую власть и ГКЧП свергают либо евреи, либо выдуманные ими «жидомасоны». Сосед, встретив меня на лестнице, заявил про защитников «Белого дома»: «Там все пьяные!» – лживая коммунистическая пропаганда продолжала работать.

Потом Пиковский рассказывал, что около полуночи всех просили взяться под руки, образовав вокруг здания несколько цепей. От пехоты. Но строго-настрого наказали: если пойдут танки, опустить руки и расступиться. Ночью были слышны крики и выстрелы, видны какие-то вспышки.

Что происходит, никто не знал. И всё время шёл дождь, продрогли страшно. О гибели троих ребят узнали только утром. Ребята не хотели пропустить танк, устремившийся к зданию через подземный переход.

Утром 21-го я опять туда пошла. И услышала днём от выступавших с балкона о победе. Все ликовали. Народу было десятки тысяч. 22-го подняли около здания, вместо красного, трёхцветный флаг и этому дню был присвоен статус ДНЯ РОССИЙСКОГО ФЛАГА ! Теперь 22 августа я каждый год хожу на эту площадь. Это – наш день!

РОЕР М.Е.

БАМ ГЛАЗАМИ ГЕОЛОГА

В 1959 г. я начала свою серьёзную геологическую работу в р-не центрального участка БАМа. Это был совершенно безлюдный край, где практически не ступала нога человека. Мы шли 100 км пешком, а тщедушные олени – таких давал за большие деньги колхоз – могли с трудом нести лишь пару спальных мешков.

Тогда бы мы посмеялись, если бы кто-то сказал, что здесь пролягут рельсы железной дороги: полезных ископаемых практически нет, зато налицо зона мощных (до 10 км в крест простирания) субширотных разломов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

БАМ был задуман в середине 30-х годов как второй путь на запад, если японские агрессоры нападут на нас и перережут Транссиб. Напомню, что строительство этой грандиозной дороги было начато по предложению министра финансов С.Ю. Витте в конце XIX века и окончено через пять лет.

Стратегической дорогой БАМ не мог быть, так как от Транссиба местами отстоял всего на 170 км. Тем не менее проект поручено было сделать, и наверно, как у нас было принято, -- в кратчайшие сроки. В результате трасса прямёхонько пролегла по зонам мощнейших субширотных раз-

ломов, сейсмическая активность которых колебалась от 4 до 9 баллов.

В 1959 г. я сама испытала небольшое землетрясение. Сидела на крутом склоне и записывала маршрут. Вдруг из-под меня ушла земля и по склону покатились куча камней. Ощущение не из приятных.

После полевого сезона 1991г.я решила вернуться не самолётом, как обычно, а поездом, чтобы посмотреть БАМ от пос.Чара до Москвы. Проезжая по долине р.Хани, я увидела такую показательную картину: крутая U образная долина, в которую с обоих бортов свешиваются разорванные рельсы.

Благодаря многочисленным незапланированным останковкам поезда, я сумела многое рассмотреть. Дорога везде проходила по седловинам, породы в которых были превращены в мелкую дресву. Геологам не нужно объяснять, что это значит.

Подъезжаем к Северо-Муйскому 15-километровому тоннелю. К тому времени, когда я ехала, он еще не был достроен. Из 15 км. осталось пройти всего 4. Забегая вперед напомним, что окончили его только в 2003г., т.е. на проходку этих несчастных 4 км. понадобилось 12 лет!

Моим попутчиком оказался бригадир проходчиков. Видя мой интерес, он рассказал, что гранитная порода в тоннеле представляет собой мелкое крошево, обильно насыщенное водой. Со сводов свисают глыбы, нередко падающие на головы проходчиков. В тоннеле уже погибло 54 человека. По его словам, для укрепления свода и стен применялись все известные в мире способы, приглашались консультанты-тоннельщики из многих стран, однако построить безопасный тоннель так и не удалось.

Открывали Зап. участок БАМа от Тынды до Северобайкальска в 2003г. с большой помпой. А уже в 2005 г. две весьма компетентные комиссии из Москвы и Санкт-Петербурга пришли в однозначному выводу -- тоннель нуждается в срочном ремонте!

Вот то небольшое, что может сказать профессиональный геолог о стройке века. А любой просто пассажир увидит красивые вокзалы из стекла и бетона, построенные с любовью представителями жарких республик, которые как-то не учли, что здесь зимой наиболее частой температурой является – 50°C.

Движение по западному участку БАМа нельзя назвать напряжённым – один пассажирский поезд и два грузовых в сутки.

СТРОЕВ П.А.

МОЙ ПЕРВЫЙ ПОХОД В АНТАРКТИКУ

(из сборника «Памяти В.В.Федынского» с сокращением)

1955 год. Еще звучит эхо ядерного соревнования, приведшего к противостоянию двух мощных сверхдержав, а уже начался космический марафон.

Космический ли корабль, баллистическая ли ракета движутся в гравитационном поле Земли, аномальности в их движении есть следствие аномалий поля силы тяжести. А Мировой океан – почти не исследованная часть поверхности Земли – сплошное белое пятно в гравитационном отношении. Тем более – Антарктика. Да и для остальных пяти континентов нет ещё гравиметрических карт. Было ясно, что без знания гравитационного поля Земли (а его можно только измерить) прогресс в освоении космоса, в создании надежной обороноспособности страны – невозможен. Требовалось в кратчайшие сроки (буквально в течение нескольких лет) покрыть хотя и редкой, но равномерной сеткой надёжных гравиметрических измерений Мировой океан; это же касалось Арктики и Антарктики.

В I-ом квартале 1955 г. выходит правительственное постановление СССР об изучении гравитационного поля Земли для обеспечения данными полетов ИСЗ и баллистических ракет, для расчёта их траекторий. Перед специалистами страны ставилась задача гравиметрической съёмки

морей, омывающих территорию СССР, а также ближайших акваторий океанов. Необходимо было проложить в океане, на трассах пролета баллистических ракет, “дорожки” гравиметрических пунктов.

Головной организацией по проблеме назначен ЦНИИ-ГАиК, но наибольший опыт по измерениям силы тяжести на море был в Гос. астрономическом ин-те Моск. ун-та. В ГАИШ МГУ работал проф. Л.В.Сорокин (1886--1954) – зав. каф. гравиметрии МГУ, энтузиаст и основоположник морской гравиметрии в СССР; он совершил плавания с гравиметрическими измерениями на подводных лодках в Черном, Японском, Охотском и Баренцевом морях.

Имелся небольшой опыт работы и на надводных судах. В 1949–1950 гг. проводились маятниковые измерения на Каспийском море на надводных судах под руководством Л.В.Сорокина и В.В.Федынского. В 1951–1954гг. проф. В.В.Федынский организовал участие университетского отряда гравиметристов в плаваниях Ин-та океанологии АН СССР на э/с “Витязь” в Дальневосточных морях и в северо-западной части Тихого океана. А в 1954–1955гг. В.В.Федынский организовал уже экспедицию в Антарктику в составе Советской китобойной флотилии на китобазе «Слава» и танкере «Апшерон».

Вполне логично, что, имея такой задел, МГУ должен был включиться в выполнение гравиметрических измерений в Мировом океане. В это же время велась активная подготовка к систематическим исследованиям Антарктиды, наибольший разворот которых приурочивался ко II Международному геофизическому году (1958--59гг.). В 1955г. в ГАИШ МГУ была организована постоянно действующая гравиметрическая экспедиция с основными задачами выполнения гравиметрических съемок в Мировом океане и Антарктике. Научным руководителем экспедиции назначен проф. МГУ В.В.Федынский, нач. экспедиции – доцент Н.П.Грушинский.

С началом работ Советской Антарктической экспедиции, уже в первом рейсе д/э «Обь» работал отряд гравиметристов МГУ (А.Г.Гайнанов, Е.Д.Корякин, С.А.Ушаков – все ученики В.В.Федынского). На смену им во 2-ой рейс д/э «Обь» готовился новый отряд ГАИШ в составе: Н.П.Грушинский, В.А.Гладун, И.А.Епишин, П.А. Строев.

Так начались гравиметрические работы МГУ в Мировом океане, Арктике и Антарктике, которые продолжаются (с перерывами) до сегодняшнего дня. Рейсы в Антарктику в составе САЭ проходили ежегодно. В 1960г. гравиметрическую экспедицию ГАИШ реорганизовали в отдел гравиметрии. В.В.Федынский оставался научным руководителем морских гравиметрических работ и консультантом отдела гравиметрии вплоть до самой смерти в 1978г.

Но вернёмся ко 2-му рейсу д/э «Обь» в Антарктику. Эта экспедиция готовилась с учётом опыта первых двух экспедиций. Маятниковый прибор Аскания-Верке, имевший инварные маятники, был заменен на 4-х маятниковый прибор конструкции Сорокина-Фехнера с кварцевыми маятниками (только что созданными в ЦНИИГАиК). Для Кембриджского трехмаятникового прибора были переточены ножи маятников. Для обеспечения маятниковых измерений отметками точного времени в ГАИШ были построены кварцевые часы. В ИФЗ АН СССР был изготовлен специальный блок акселерографов. На борту д/э «Обь» была оборудована гравиметрическая лаборатория, работавшая во всех последующих рейсах.

После дискуссии среди специалистов о целесообразности использования статических сильно-демпфированных гравиметров (К.Е.Веселов) на надводных судах в открытом океане в экспедиции ГАИШ на д/э «Обь» в 1956–1957гг. впервые в Мировом океане и Антарктике был использован построенный во ВНИИГеофизики макет такого гравиметра.

Начиная со 2-ой САЭ, наблюдения на корабле стали проводить только во время остановок судна – на океанологических станциях или на специальных гравиметрических

остановках, когда судно лежало в дрейфе и машины не работали. Этим объясняется уменьшение числа измеренных в рейсе пунктов и одновременное повышение их точности.

Итак, вперед, в Антарктику! 7 ноября 1956г. в порту Калининград состоялись проводы (официальные) 2-ой САЭ. Отгремел оркестр, состоялись речи и выступления – и д/э «Обь» плавно отошел от стенки пассажирского причала. Но далеко мы не ушли. Перейдя в угольную базу порта, д/э «Обь» снова ошвартовался, где продолжалась погрузка тягачей-вездеходов, самолетов и другой тяжелой техники, а также остальной «мелочи»; на борт поступали отстававшие участники экспедиции. 7 ноября вечером московское радио сообщило об уходе в Антарктику Второй Советской экспедиции, а у нас на борту в порту Калининграда продолжался отходный аврал. И только к обеду 8 ноября д/э «Обь» дал прощальный гудок и отправился в плавание.

Плавание 2-го рейса д/э «Обь» в Антарктику продолжалось 7,5 месяцев, оно было успешным. Нашему отряду удалось отнаблюдать 80 маятниковых и 62 гравиметровых морских пунктов в водах Антарктики, сделать связь морской съёмки (с помощью сухопутного и затушенного гравиметров) с обсерваторией Мирный, где в это же время отряд ГАИШ с борта д/э «Лена» (И.Э.Зоммер) отнаблюдал опорный гравиметрический пункт, связав Москву и Антарктиду прямой маятниковой гравиметрической связью.

Увидев на причале порта гор. Риги среди встречающих В.В.Федынского я понял, что в Москву я попаду ещё только через 3-4 месяца. С Всеволодом Владимировичем не поспоришь! В двадцатых числах июня 1957г. д/э «Обь» вошел в воды Балтийского моря, возвращаясь на Родину. 22 июня я получил радиogramму о рождении сына Андрея. Сердце рвалось домой, в Москву: к молодой жене (я женился буквально перед рейсом), к семье. Но ещё в рейсе мы получили указание В.В.Федынского о продолжении работ в Гренландском море, т.е. не снимая оборудования с борта, через 7–10 дней отряд ГАИШ отправлялся в Арктику,

в том числе и я (из состава старого отряда) для преемственности работ.

ГРАВИМЕТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИШ НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ В СЕВЕРНЫЙ ЛЕ- ДОВИТЫЙ, АТЛАНТИЧЕСКИЙ, ИНДИЙСКИЙ И ТИХИЙ ОКЕАНЫ

Осенью 1959 – весной 1960г. ГАИШ МГУ в соответствии с договором с Центр.НИИ им. Ф.Н.Красовского ГУГК СМ СССР осуществил подводную гравиметрическую экспедицию в Мировой океан. Она охватила исследованиями практически все океаны Земли, подводное плавание продолжалось более 5 месяцев. Было пройдено около 25000 миль, на протяжении которых были выполнены гравиметрические определения в 248 пунктах. (См.схему фото 60).

В экспедиции участвовали две подводные лодки, пассажирский теплоход и танкер. Танкеры сопровождают корабли в дальних походах для снабжения их не только горючим, но и продуктами, и пресной водой.

Научной задачей экспедиции являлось: измерение силы тяжести на подводной лодке с помощью маятникового прибора на акваториях Северного Ледовитого, Атлантического, Индийского и Тихого океанов по маршруту похода со средним расстоянием ~100 миль между пунктами. Схема движения лодки и пунктов измерений была разработана в ЦНИИГАиК и утверждена Главным штабом Военно-морского флота СССР. Предполагалось выполнение 240 гравиметрических пунктов со средней квадратической ошибкой замеров с точностью не хуже ± 10 мГал.

Морской поход продолжался с 27 октября 1959г. по 24 марта 1960г.

За время морских гравиметрических работ определено 248 значений силы тяжести, включая два прибрежных морских опорных пункта (Кольский и Авачинский заливы). Результаты измерений представлены в виде каталога гра-

виметрических пунктов, содержащих аномалии силы тяжести в свободном воздухе, вычисленные по формуле Гельмерта 1901–1909гг.

Опорным пунктом гравиметрических измерений экспедиции являлась гравиметрическая лаборатория ГАИШ МГУ на Красной Пресне (основной гравиметрический пункт СССР). Контрольными пунктами были береговые опорные пункты: г. Полярный (Кольский п-ов) и пос. Тарья (Петропавловск-Камчатский).

Начальные опорные наблюдения в Москве проводились с 23 августа по 9 сентября.

25 сентября 1959г. экспедиция в полном составе поездом отбыла в Мурманск, оттуда на катере переправилась в г. Полярный – базу подводных лодок Северного флота. Здесь в месте измерений прошлых подводных экспедиций ГАИШ и ЦНИИГАиК (баллонная зарядовая, рядом с пирсом №3), проведена окончательная отладка аппаратуры и проведены измерения периодов маятников по программе береговых опорных наблюдений. Здесь же параллельно с нами проводила работы экспедиция ЦНИИГАиК.

Морской поход. Экспедиция особого назначения (ЭОН-259) была организована Главным штабом ВМФ СССР для выполнения 2-х основных задач: 1) перегон двух д/э лодок 611-го проекта (Б-88 и Б-90) из состава Северного флота на Тихий океан южным путем, 2) выполнение по пути следования гравиметрических измерений на двух лодках через каждые ~100 миль. Предстояло из Кольского залива обойти Скандинавию и Великобританию с запада, проследовать вдоль всего побережья Африки. За мысом Доброй Надежды маршрут поворачивал в Индийский океан, минуя Мадагаскар, подходил к архипелагу Чагос, следовал по параллели 90° – 100° с.ш. до 100° в.д., поворачивал на юго-восток, огибая Австралию. Далее он протягивался на север, минуя Новую Гвинею, Каролинские и Маршалловы острова, Японию, и заканчивался на Камчатке. На преодоление всего маршрута отводилось 180 суток. Лодки должны были

следовать каждая своим курсом, но относительно близко (~100 миль) друг от друга.

Экспедиции ГАИШ была выделена лодка Б-88 (командир – капитан 2-го ранга Н.А. Мышкин), экспедиции ЦНИИ-ГАИК – лодка Б-90 (командир – капитан 2-го ранга П.Т. Зенченко), начальник научной экспедиции – сотрудник ЦНИИ-ГАИК Ю.А. Сливин. Общее руководство всей экспедицией ЭОН-259 осуществлял командир 182-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота капитан 1-го ранга Б.А. Вешторт.

Предполагалось, что экспедиция выйдет в море в первых числах октября. Однако в силу организационных причин отплытие задержалось до конца месяца. 15 октября вся аппаратура была перенесена в лодку и установлена во втором отсеке, в помещении офицерской каюты.

20 октября состоялся пробный выход в море, и проводились наблюдения на прибрежном опорном гравиметрическом пункте «Мотовский залив». Здесь на глубине 102 м лодка легла на грунт, где была проведена полная программа измерений на морском прибрежном опорном пункте.

27 октября лодка Б-88 отправилась в поход. На ней пошел основной экипаж лодки, дублёр командира капитан 3-го ранга В.С. Глушков, и первая смена гравиметристов ГАИШ – П.А. Строев, В.А. Гладун, Ю.В. Бобров, И.Я. Францзов.

Наблюдения проводились по уже отработанной программе: на глубине погружения ~ 90–100м, по курсу движения корабля, на малом ходу электромоторов 2.5–3.0 узла. Координаты пунктов определялись всевозможными способами (счисление, визуальные маяки, радиомаяки, радиолокации берегов, радионавигационные системы, астрономия); точность определения местоположения оценивается в 2–3 мили при благоприятных условиях погоды и моря и 5–6 миль при штормовых условиях и при длительном отсутствии обсерваций.

Выйдя из Полярного в Баренцевом море и дойдя до 72° северной широты, лодка повернула на запад и вышла на просторы Атлантики. Движение на юг в Атлантическом океане проводилось в узком коридоре от 20° до 30° западной долготы. 12 декабря, по достижении приблизительно 25° южной широты, произошла смена экипажей и научного состава. На лодку ушли В.Н. Коржев, В.Л. Пантелеев, Б.Б. Левицкий и Ю.П. Канибер. Достигнув 50°–60°-х широт южного полушария, лодка повернула на восток и затем на север. Близ архипелага Чагос 16 января произошла новая смена экипажей и научных групп, в нее вернулся первый состав. Лодка продолжала двигаться на север до 80° 30' ю.ш., а затем повернула на восток и юго-восток к югу от Австралии и Тасмании. 16 февраля – снова смена экипажей и научных групп. Лодка вышла на просторы Тихого океана и взяла курс на север, к берегам Камчатки. Последний пункт в океане был отработан 21 марта на широте 42° 5' с.ш.

24 марта 1960г. лодка подошла к Авачинскому заливу (Камчатка), где в бухте Русской на глубине 125м, на грунте проведены гравиметрические измерения по программе морских прибрежных опорных пунктов. На этом морской поход был закончен. К вечеру 24 марта лодка ошвартовалась в гавани у пос. Тарья, базе подводных лодок Тихоокеанского флота.

После прибытия в Тарью вся аппаратура была демонтирована, перенесена на берег, где в помещении зарядовой базы лодок (место опорных береговых наблюдений всех уходящих и приходящих экспедиций) были проведены заключительные береговые измерения. После этого аппаратура была разобрана и (пароходом и самолетом) доставлена в Москву.

Заключительные опорные наблюдения в Москве проводились в гравиметрическом подвале ГАИШ на Красной Пресне на том же опорном столбе, что и перед экспедицией с 26 апреля по 9 мая. Обработка всего полученного материала была закончена только в ноябре.

В целом по походу средняя ошибка определения силы тяжести составила ± 1.5 мГал, а ошибка аномалий в свободном воздухе – в пределах ± 3.2 мГал при хорошем определении координат и до ± 8.8 мГал при длительных перерывах между наблюдениями, что соответствовало требованиям.

Для контроля гравиметрических измерений в рейсе и их оценки на ряде пунктов проводились повторные измерения. Они заключались в том, что на одном и том же пункте измерения проводились дважды: один раз при прямом, а затем – при обратном курсе. Таких пунктов насчитывается 28. По формуле двойных измерений ошибка одного измерения на возвратных пунктах составила ± 1.9 мГал. Эта ошибка практически совпала с предвычисленной ошибкой (± 1.5 мГал).

Большой интерес для оценки точности измерений представляют контрольные пункты, т.е. сравнение с измерениями, полученными другими экспедициями. Таких пунктов для этого похода насчитывается 13. Это пункты измерений Ф. Венинг-Мейнеса (1928, 1932, 1934, 1935 гг.), английских экспедиций, других наших подводных экспедиций (Хейфец – 1956 г., Слизин – 1959 г.). Сравнение с этими пунктами показывает величину средне-квадратического расхождения, равную ± 8.2 мГал. Если учесть, что ошибки прошлых измерений лежат в пределах 5–6 мГал, то следует считать, что измерения экспедиции ГАИШ 1959–1960 гг. имеют реальную ошибку аномалий силы тяжести не хуже ± 5 –7 мГал. Задание заказчика (ЦНИИГАИК) выполнено полностью с почти двойным превышением по точности.

Из воспоминаний участников похода. Гравиметрическая экспедиция ЭОН-259 – это одно из самых грандиозных мероприятий в деле изучения гравитационного поля Земли. Она позволила точно оценить параметры поля силы тяжести на акватории всех океанов, т.к. все измерения проводились одной аппаратурой, в одинаковых условиях (лаборатория на подводной лодке), с примерно одинаковой

точностью, в довольно короткий отрезок времени. Полтысячи пунктов, опоясывающие двумя параллельными (на расстоянии ~ 100 миль) лентами акватории четырех океанов Земли на протяжении более 20000 миль – это немало! И хотя прошло уже почти полвека, появились новые методы измерения гравитационного поля, изученность Мирового океана неизмеримо возросла, ценность результатов этих измерений не уменьшилась. Они являются эталоном, с которым сравниваются все современные (спутниковые) измерения силы тяжести на море.

Однако, экспедиция ЭОН-259 – это великое событие и в истории советского подводного флота. До сих пор этот поход считают великим и непревзойдённым. И тем не менее эту страницу советских подводников постигла странная судьба. Вот, что пишет А. Мозговой в своей публикации «Тайна великого похода» от 22 марта 2002г. (Парламентская газета, №60 (940), с.18): «Странно, но даже в специальной военно-морской литературе об этом походе двух советских субмарин, не повторённом по сей день никем из советских и российских подводников, в том числе атомщиков, упоминается чрезвычайно скупно и как-то вскользь, хотя беспримерное плавание великолепного дуэта прошло и завершилось блестяще».

В этой же статье приводятся воспоминания единственного из ныне здравствующих (2002г.) главных действующих лиц забытого Великого похода, капитана 1-го ранга в отставке К.К. Киреева, бывшего дублёра командира лодки Б-90. Вот, что он рассказывает:

Перед началом похода высокие флотские чины недвусмысленно намекали, что в случае успеха экспедиции все члены экипажей подлодок будут должным образом поощрены, а командирам и вовсе «светят» звезды Героев Советского Союза.

Предстояло за один поход, без захода в порты, переправить две подводные лодки 611-го проекта с Северного флота на Тихий океан, из Полярного в Петропавловск-

Камчатский. До того времени перегоны подводных лодок из северной части России (Балтика, Баренцево море) на Тихий океан осуществлялись Северным морским путем. Это был долгий, дорогостоящий и очень непростой путь. Но на сей раз речь шла о другом направлении, гораздо более дальнем и неизведанном. Предстояло от Кольского полуострова достигнуть Камчатки южным путем, обогнув четыре континента.

Кроме того, командованию Военно-морского флота СССР необходимо было во исполнение постановления Правительства СССР ежегодно выделять 1–2 лодки для выполнения подводных гравиметрических измерений на акватории Мирового океана.

Правительством и ВМФ СССР было решено объединить эти две задачи в одну. Так была организована Экспедиция Особого Назначения 1959–1960 гг.

Подводникам предстояло по пути перехода выполнить целый «букет» очень непростых задач: проверить во время небывало продолжительного плавания выносливость личного состава и выносливость самих подводных лодок; выяснить надёжность функционирования технических устройств и приборов в различных климатических зонах; отработать взаимодействие подводных лодок с гражданскими судами (теплоходом «Михаил Калинин» и танкером «Виллюск»).

На лодках находились группы радиоразведки, которые отрабатывали свои задачи. Особенно это важно было при преодолении рубежей противолодочной обороны (ПЛО) в Атлантическом и Тихом океанах. Поход лодкам требовалось совершить скрытно, т.е. не попасть в поле зрения противолодочных сил США и НАТО. По мнению К.К.Киреева, одним из важнейших элементов пакета задач, поставленных командованием, стала отработка замены боевых смен экипажей подводных лодок.

Ежедневно на лодках проводилась боевая учёба. Сама обстановка дальнего похода требовала от личного со-

става высокой бдительности и немедленной реакции на угрозы с моря, с воздуха и из-под воды. Наиболее трудные участки на рубежах ПЛО (Гренландия, Британские о-ва и район Японии) лодки преодолевали в подводном положении, заряжая аккумуляторы под РДП (работа дизеля под водой).

Работа людей в условиях подводной лодки требует полной отдачи всех сил, как физических, так и душевных. Плавание проходило в различных условиях – от льдов Арктики и айсбергов Антарктики до тропиков и экваториальных широт. Особенно тяжело было работать в тропиках, когда в отсеках средняя температура составляла 33°-35° С, временами поднимаясь до 40° (а в дизельных и моторных отсеках температура переваливала за 50°). Высокая температура, 100% влажность, масло и соляр в отсеках, дым, гарь, копоть в воздухе, теснота, пышащие жаром механизмы, и аппаратура. Мучили пот, грязь, жёсткий лимит пресной воды (только для питья и приготовления пищи), обезвоживание организма, потница, прыщи, фурункулы – таковы условия жизни и работы людей, длительно плавающих на дизельных подлодках на экваторе и в тропиках.

И вот, в таких условиях лодочные доктора Окунев и Акимов оперировали аппендицит! О такой операции на Б-88 вспоминает участник похода Б.Б.Левицкий в своей книге «Тайна четырех океанов (дневник плавания на подводной лодке участника экспедиции особого назначения 1959–1960г)», отрывки из которой опубликованы в журнале «Мир путешествий» №3 (96) 2002г. К концу похода его участники мрачно шутили:

Итак, вперёд, друзья, вперёд,
Там каждого своё нас ждёт.
Больных ждёт госпиталь,
Здоровых – санаторий,
А износившихся –
Прекрасный крематорий.

24 марта 1960г. Б-88 и Б-90 пришли на Камчатку – на 30 суток раньше намеченного срока. Из 25000 миль похода 3000 миль пройдено под водой за 1000 ходовых часов.

А вот «дождя наград» не последовало. Пока лодки «мотали на винты» тысячи миль, Н.С. Хрущёв объявил о сокращении Вооруженных сил СССР на 1200000 человек. Государственный и общественный интерес к людям в погонах пропал. Вешторт и Мышкин, капитан "Михаила Калинина", получили ордена Красного Знамени; Зенченко, Киреев, Глушков, военврач Акимов – ордена Красной Звезды. Были отмечены наградами еще несколько моряков. Другие же участники великого похода обошлись благодарностью начальства, на что ответили: «Служу Советскому Союзу», а также были пожалованы жетоном «За дальний поход».

Мы, гражданские люди, также получили жетоны (без удостоверения) и похвальные грамоты. Наше руководство в лице ГУГК и ЦНИИГАиК ходатайствовало о поощрении правительственными наградами участников похода. Однако, по мере прохождения инстанций партийных и советских органов, списки настолько трансформировались, что в них остались представления на награды: орденом Ленина – директоров ГАИШ и ЦНИИГАиК, орденом Трудового Красного Знамени – заместителей директоров институтов, орденом Знак Почета – начальников экспедиций. Нас же, главных действующих лиц – операторов, работающих с маятниковыми приборами, – предложено было наградить медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть»; остальным членам отрядов – «фунт дыма».

Но, слава Богу, этого не произошло. Все награды остались только на бумаге!

Но мы не очень-то и обиделись на эту ситуацию, так как для нас это была обычная (хотя достаточно сложная и трудная) работа. Мы плавали на подводных лодках в Мировом океане до и после ЭОН-259, пили всегда за «четное число» (погружений и всплытий), напевали «Гимн гравиметристов-подводников ГАИШ» (слова Е.Д.Корякина):

Не кочегары мы, не плотники (да!),
 Про нас куплетов не поют (не поют!)
 Гравиметристы мы подводники (да!),
 Мы выполняем тяжкий труд.

Мы бродим там, где лишь одни киты
 Плывут без всякого труда (туда-сюда).
 На глубину такую, милая, ты
 Не опускайся никогда (никогда!).

А результаты в неизвестности (да!)
 Нам полагается хранить (да, хранить!).
 Не откажите ж нам в любезности (да!)
 Хотя б подводные платить.

Мы не монтажники - высотники (да!),
 А мы совсем наоборот (наоборот!) –
 Гравиметристы мы подводники (да!),
 Неунывающий народ (да, народ!).

ПИСЬМО ТИХОНА ТАРАСЕНКО ЮРЕ АГАЛЬЦОВУ

Вот оно это письмо от 20.04.2003. Оно особенное и по содержанию и потому, что было последним. В этом письме Тихон объяснял мотивацию своих поступков в связи с событиями более, чем сорокалетней давности, которые в то время были предметом многих споров, суждений и осуждений. Тихон был тогда начальником Пенжинской экспедиции, в которой работал Юра Агальцов, Арсан Арсанов, я (Г. Постникова) и геологи с младшего курса Геолфака МГУ. Еще перед нашим приездом (1957г.) Пенжинская экспедиция была переведена из Корякского нац. округа на Хасын - поселок на Колымской трассе приблизительно в 70 км на северу от Магадана.

Через 3-4 года Тихон настоял на возвращении Пенжинской экспедиции. И мы все считали это неправильным.

Юра А. говорит, что это письмо заставило посмотреть на Тихона по-другому – не так, как мы думали о нём в то время. Оно интересно еще и потому, что показывает причины лежащие в основе реформирования экспедиций, управлений, изменения подчиненности и т.п. Спустя полвека это не перестает интересовать участников тех событий.

Мы не можем привести письмо полностью. В нем 12 страниц убористого текста. Оно содержит много частных, понятных лишь участникам тех событий, а так же информацию о личной жизни. В начале письма Тихон просит Юру прислать материалы по геологическому освоению тех районов, где он работал

«Помоги, Господи, в делах задуманных нами, по написанию добрых воспоминаний о наших совместных (с другими геологами) поисках минерального сырья с промышленными запасами на Белом Геологическом пятне Корякии, Чукотки, Камчатки и Курильских островов. Жду от тебя своих воспоминаний к двум разделам, а именно (1) Их помнит земля Корякская.....(2) Они были первыми (это первооткрыватели), и твоя деятельность здесь, - как геолога, закрывшего своим полевым сезоном (Шаманская партия), последнее на С.Востоке России, - Белое Геологическое пятно.

<...> Ты мне нравился за свои прямые суждения, инициативные прямые суждения. Ты имел свою линию, но не был интеллигентом - киселем, что чувствовалось в четкости твоего характера! Не обижайся, но ты был – как бы тебе это выразить - как бы человеком по максимуму в жизни. Думаю, что это черта, когда ты имел подчиненных выше, чем на должности нач. партии, ты не раз наверное понимал, - что в отношениях с людьми нужно и терпение, и верность слову, и деловитость твердая - не можешь решить скажи человеку, что не могу, или не могу сейчас. Но в руководителе должна быть линия своя, про-

фессиональная и ты наверняка сейчас согласился бы, если бы мы беседовали с тобой (сейчас), что я и любой другой на моем месте в сложившейся в то время ситуации, точно так же решил бы как геолог – Экспедиция Пенжинская должна быть в Пенжинском районе, а не в Хасыне.....

Далее Тихон объясняет ссылкой на многочисленных начальников, собственные докладные записки, а так же отпуска и пенсии предыдущих начальников каким образом он был назначен начальником Пенжинской экспедиции)

...есть у меня дневниковые записи (краткие) о всех основных событиях.

Далее объяснение сложностей обеспечения полевых партий того времени, что понятно только Юре и Тихону).

Вот ситуация, дорогой мой человек! – ни палаток, ни сена, ни жилья и всё это надо было решать. <>.....,пойми меня правильно 46 лет спустя: перевод Пенжинской экспедиции в район работ, возрождение её в Пенжино - это, как вы многие думали, не было чертой карьеризма, - это было моим профессиональным убеждением: экспедиция должна быть в Пенжинском районе, где надо было начинать разведку ртути и россыпей золота. Без геологической службы (а она в Хасыне) изучать прилетами огромный Корякский регион – немыслимо ни с экономической, ни с организационной стороны...<...>

Более того – я изложил очень ясно в Обкоме (Камчатском) перспективу развития геологической службы в Камчатской области на основе создания самостоятельного Камчатского терр. Геол. Упр. с подчинением на прямую Геолкому РСФСР на базе Пенжинской Компл. Эксп. СВГУ и Камчат. РайГРУ, которое в то время (именно с 1.01.58г.) и было создано в системе СВГУ на базе Геологической экспедиции и Богачевской нефтеразведки и выделено из состава Дальневосточного геологического Управления (Хабаровск).

Юра, пойми теперь через 46 лет, что я уже в то время чётко знал, что в системе СВГУ нам не переплюнуть золото Колымы. Идти в новые районы руководство СВГУ не хотело и даже на золото не давали более 300-700тыс.руб. Вот почему нас (Пенж.эксп.) Долгов А.Н. и перевел в Хасын, ибо все в то время думали: подумаешь – ртуть в Корякии! А золота - нет! Что туда залезать?! Оценим 1-2 объекта из Хасына. Оценку и поиски тоже лучше вести из Хасына.

А вот твой бывший однокашник (Тихон), бывший дальстроевец (1947-51гг.),..<>..изложил в Камчатском Обкоме твердое убеждение в необходимости развивать работы и не только поисковые, но и поисково-оценочные на глубину бурением и штольнями, для чего надо создать базу экспедиции, приблизив ИТР к району работ...<>...в итоге в Камчатском Обкоме я заявил, что после создания и перевода экспедиции с Хасына в Пенжинский р-н, разведки 2-3 м-ний ртути и россыпей золота, необходимо ставить вопрос через ЦК и МингеоСССР о создании на базе Камч.РайГру и Пенжинской эксп. отдельного от Магадана и Хабаровска Камчатского Терр. Геол.Упр.с прямым подчинением Геолкому РСФСР(с 1.1.1959 Геолком стал Мингео РСФСР).

Далее Тихон детально рассказывает о своем выговоре и снятии его с должности за списание 17 тонн жира, завезенного еще в 1947г американцами. Пришлось обращаться к депутату и в Министерство. Расследование дела о жире кончилось тем, что с Тихона сняли все обвинения, а Пенжинская экспедиция по приказу П.Я.Антропова была выделена из Приморской экспедиции на самостоятельный баланс.

А далее – Пенжино, разведка и поиски и открытия ртути, золота, олова и т.д.

В 1964 году Тихона вызвали из отпуска правительственной телеграммой в Мингео РСФСР и предложили долж-

ность гл.геолога только что созданного Камч.терр.упр.,где Тихон проработал 14 лет.

Эх,...Юра, Юра,...сколько видано-перевидано за 44 года в геологии, только Богу, коллегам и мне всё былое известно. О чем я должен по Воле Божией написать: о геологах – первопроходцах и открытиях второй половины XX века на «Белом» геологически не изученном Корякско Камчатском регионе.

Благослови, Господь, и помоги мне и Георгию вспомнить и написать доброе слово о превеликих геологах-тружениках. Не гордыни своей ради, а ради Божией справедливости!!!....<>

...я вспомнил, как...мы встретились...на встрече нашего курса....ты сказал через 2-3 минуты нашей беседы.... «Экспедицию ты перевел в Пенжино ради своей карьеры. Там не обустроено, а главное - ты лишил экспедицию лабораторной базы». Я перевел разговор и понял, что ты многое в те годы не воспринимал.....<> (Теперь) я очень рад..., что хоть в чем-то открылся тебе...<>....изложенное выше – это откровение - пережитое нервами и огромным трудом...я всегда был ломовой лошадкой, трудягой и делал всё возможное и невозможное для людей.

Далее Тихон пишет пофамильно о многих людях, которым он помог по жизни.

...И опять же пойми, это не бахвальство, а Божия Справедливость - не забыть людей - истинных тружеников, а не только молодых (ныне правящих) геологов на осколках геологической службы.

Далее Тихон пишет о своей и Юриной личной жизни и в связи с этим:

Я очень преклоняюсь перед Светой Колесневой и молю Бога о твоём и её здравии. Я поздравлял её с Новым годом, сказал ей, что напишу тебе письмо (что и сделал). Мы хорошо с ней поговорили, она мне сказала, (о тебе) - он

настырный, жил бы и жил у меня, ведь пойми Тиша, у меня к нему добрые отношения, а он ведь после инфаркта.....

.....у меня к тебе истинно душевные братские чувства и я очень сожалею, что ты не обратился ко мне в те годы.... Но это – былое. И действительно: каждый в жизни несет свой Божий Крест. Но ты, друг мой юный, знай – Господь не дает человеку непосильный крест. Он даёт всё и болезни в том числе, для очищения Души человеческой и плоти земной.....<>.....Если кто-то тебе что-то грубо сказал или плохо к тебе относился, знай об этом, мой друг, Воля Божия есть тут. И с этим всегда нам надо мириться. И во всех случаях побеждает доброта, а не зло. Надо спешить делать добро!

Слава Богу за всё: и за скорбь и за радость!

Последняя страница письма: в тезисной форме о своей семье и делах. 8 апреля он выписался из больницы. Операция была благополучна. Он стал набираться сил. Собирался ехать в Квашино – заканчивать отделочные работы в храме «Троицкого».

Надо бы храм освятить и передать к сентябрю (в подарок) Воронежской епархии. Начал всерьез писать воспоминания, готовлю, разбираю архив по разделам. Надо 3 стр. в день после Пасхи писать - хоть лопни. Я сам себя (как и ты) временами давлю...

А 26 июля Тихона не стало...

Г.Постникова